

НОВИНКИ ФАНТАСТИКИ по ДОСТУПНОЙ ЦЕНЕ!

НАРОДНАЯ
ФАНТАСТИКА

Дарья ЗАРУБИНА

НОСФЕРАТУ



Дарья Зарубина

Носферату

«ЭКСМО»

2014

Зарубина Д. Н.

Носферату / Д. Н. Зарубина — «Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-71497-1

Обнаружив во время командировки на планету Гриана труп би-щины – женоподобного существа, не предназначенного для размножения, – русский журналист Носферату Шатов и не подозревал, что ему придется заняться расследованием еще более загадочного преступления. На этот раз был убит дипломат с планеты Саломар. А это уже грозило серьезными проблемами, вплоть до объявления Земле войны. К тому же в дело оказался втянут родной дядя Носферату. У бойкого журналиста, который меняет планеты как женщин, а женщин – как перчатки, остаются считанные дни, чтобы докопаться до истины...

ISBN 978-5-699-71497-1

© Зарубина Д. Н., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Часть 1	5
Часть 2	38
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Дарья Зарубина

Носферату

Часть 1

Ночью все кошки...

Весенняя ночь была настолько мягкой и беззвучной, что на минуту мне показалось, что я на Земле. Знакомую с детства картину нарушало только отсутствие луны. На ее месте на небосклоне светились два спутника Грианы, которые наши переводчики адаптировали к земным языкам как Галеон и Шхуна. Да и сама Гриана, возмись за нее всерьез умельцы-адаптеры, называлась бы, скорее всего, Флагманом. Прекрасная сине-зеленая планета вроде нашей Земли, населенная настолько похожими на нас существами, что не задумываешься, называя их людьми. Однако я по привычке предпочитаю видеть перед собой в длительных командировках знакомые земные лица. И одно из этих лиц уже несколько секунд пыталось проломиться ко мне сквозь кусты – моя домработница Марта. Даже если бы она не причитала и не завывала так на своем родном немецком, я все равно узнал бы ее по пыхтению и звону ключей. Марта до самозабвения обожает ключи.

– Ферро! Ферро!

Хрустальный свет заливал бледный песок под моими босыми ногами. Галеон уже сверкал в зените серебряной кроной, растущая Шхуна чуть отставала от него, но резво сокращала разрыв, стремясь к полуночи нагнать соперника. Ее левый золотистый бок, похожий на трепещущий парус, едва касался острым краем крыши главного здания корпорации «Нако». Мне даже показалось, что я вижу свет в окнах Марь. Надо будет позвонить ей завтра. Позвать на кофе.

– Ферро!!

Я не откликнулся, надеясь, что цунами промчится мимо. Марта заметила меня сквозь ветки и запричитала с удвоенной силой и громкостью:

– Ферро! Там труп! Там тело!

– Милая Марта. – Я всегда в таких случаях стараюсь говорить как можно спокойнее и серьезнее. – Если ты будешь так кричать, станет плохо с сердцем и мне придется делать тебе его непрямой массаж вместе с искусственным дыханием, а я этого не хочу. Не обижайся, но как женщина ты не в моем вкусе.

Только такие шутки способны привести ее в себя, а может быть, наоборот – вывести, но в любом случае то, что мой берлинский божий одуванчик злится, означает, что самое страшное позади. Старушка задыхается от гнева, кипит и забывает про свои страхи, и из нее можно вытрясти хоть немного в самом деле полезной информации. Проверенный способ доказал свою действенность. Марта уткнула кулачки в пухлые бока, обтянутые полосатым льняным платьем, вскинула голову, став ростом почти мне по плечо, и ее седина вспыхнула платиной в свете двух лун.

– Если ты не прекратишь эти намеки, я уволюсь. Я старая женщина. Прожила долгую и достойную жизнь и не намерена...

Я примирительно обнял ее за плечи. Напоследок пошевелил пальцами, наслаждаясь прикосновением еще теплого песка, надел носки и ботинки и повернулся к домработнице.

– Ну что ты, Марта, я без тебя просто пропаду. А если уйдешь, то не факт, что найдешь другого такого хозяина, который будет терпеть брюзжание, галлюцинации и обращение на «ты».

Видя мою улыбку, она снова закипела и, как всегда, от негодования незаметно для себя перешла на немецкий. Но, на мое счастье, я неплохо владею этим славным языком и потому никогда не прерываю ее, пока она обрушивает на мою голову всю фауну окрестностей Гамбурга.

– ...и свинья, – закончила монолог разъяренная Марта, и я понял, что теперь самое время перейти к делу.

– И где труп?

– Какой? – недоуменно спросила она, поправляя чепец.

– Это ты бежала и кричала «труп». Вот я и спрашиваю.

Ее красное от ругани лицо побледнело, а глаза распахнулись как ярмарочные ворота, из чего я сделал вывод, что Марта всерьез напугана.

– Там, в поле. У самого леса.

– Марта, а ты уверена, что это труп, а не груда тряпок? В последний раз, когда ты думала, что к нам лезут воры, оказалось, что в твоё окно стучал нетопырь.

Марта снова надулась, как большая амбарная мышь, и забормотала что-то себе под нос, опять начисто забыв о теме разговора.

– Ну ладно, – примирительно сказал я, отчасти потому, что всегда иду на мировую первый, отчасти потому, что и виноват в перебранке чаще всего я. – Веди меня, Вергилий, тропами ада.

Марта круто развернулась и с оскорбленным видом посеменила вдоль берега. Мне ничего не оставалось, как покорно поплестись за ней, предвкушая очередной домашний анекдот. Льняная юбка шуршала по траве. Марта торопливо переваливалась в сторону дома и, засунув руку в карман, звенела ключами, стараясь успокоить нервы. Кто знает, может, действительно труп.

* * *

Так и есть. С этой Мартой не обойтись без анекдота. Труп был на месте. Мертвее не придумаешь. Но оказалось, что это всего-навсего дохлая кошка. Условно – кошка. У вполне земной на вид Мурки оказалось две пары круглых ушей и хвост, пушистый, как у белки. Но, решив, что в темноте все звери такого размера могут называться кошками, я решил не углубляться в исследования грианской фауны. Тем более что животине, судя по степени окоченения, было уже совершенно все равно, как ее назовут. Правда, умерла котейка явно не своей смертью, поскольку ее бранные останки хранили четкие отпечатки автомобильных шин.

– Марта, ты водила близкое знакомство с этой дамой? Стоило из-за этой хвостатой покойницы разрушать такой дивный вечер? – Я был немного зол и поэтому вложил в слова весь свой сарказм.

– Ферро, ты не понимаешь. Это мертвое животное видно из окна нашей кухни. Ты же не хочешь, чтобы я готовила еду, глядя на раздавленную кошку, – виновато, со слезой в голосе сказала Марта.

– Марта, из окна нашей кухни эта покойная Мурка кажется бугорком земли, – как можно терпеливее отозвался я.

– Но этот бугорок насторожил меня, я пошла и увидела это. И теперь, даже не разглядывая, я буду знать, что это не земля, а дохлое животное.

– Ладно, Марта, если тебя это так беспокоит, я закопаю ее где-нибудь подальше от наших окон, – весомо сказал я, стараясь, чтобы прозвучало «как отрезал».

Марта радостно закивала, а это значило, что вместо того, чтобы вернуться на пляж, сесть на песок и предаваться приятным мыслям, я отправлюсь в гараж за резиновыми перчатками и лопатой. Чего не сделаешь, чтобы порадовать старую, впавшую в маразм домработницу.

* * *

Марта осталась дома, чтобы не видеть, куда именно я закопаю бедное животное, а я вернулся на поле, не без брезгливости поднял жертву наезда за хвост и отнес на пару сотен метров вдаль от дороги, так, чтобы ее безымянная могила не была видна ни из одного окна нашего дома. В какой-то момент закралась предательская мысль вернуть трупик на место, а утром попросить у Марь какую-нибудь корпоративную квартиру в центре Чигги, подальше от мертвых кошек. Не откажет же Машка другу детства, который не так часто прилетает в гости. Но я мужественно отогнал подлую мыслишку. Тем более что похоронить кошку я уже обещал, а обещания свои выполняю.

В сумерках выбрать подходящее место для захоронения бранных останков существа, условно называемого мной кошкой, было трудновато. Вполголоса нехорошо отозвавшись о самом бедном животном и его блудливых предках, я наугад ткнул лопатой в траву и с удовлетворением отметил, что немного правее земля более мягкая и податливая, а значит, возделывание грианской целины моими скудными журналистскими силами можно было отложить на неопределенное время.

Я пару раз глубоко копнул лопатой и бросил кошку в образовавшуюся ямку, но животное решило не сдаваться без боя и, бесцеремонно раскинувшись, в ямку не поместилось. Я снова вытащил ее и копнул глубже. Земля была рыхлая, и первые два раза лопата входила легко, но теперь она наткнулась на препятствие, скользнула по нему, и из-под земли показался палец. Блеснул покрытый розовым лаком ноготь.

Мое сердце застучало сильнее. Неужели удача сама плыла мне в руки? Кажется, это был не просто палец, а цель моей командировки.

Я присел на корточки и руками разрыл землю. Показалась полненькая женская ручка и сиреневый рукав.

Мне ужасно хотелось самому продолжить раскопки, но правила требовали сообщить органам правопорядка. И, подумав, я решил на сей раз подчиниться. Как-никак, я здесь не только не в своей стране, я на чужой планете, а следовательно, обязан поддержать престиж Земли в глазах грианцев.

Я вернулся в дом и собрался воспользоваться телефоном в прихожей, когда заметил заинтересованное лицо Марты, появившееся из приоткрытой двери кухни.

– Ферро, ты ее закопал? – опасливо спросила старушка, и во всех морщинках вокруг ее светлых глаз отразилась тревога.

Эх, про кошку-то я и забыл. Так и оставил бедное животное валяться рядом с моей таинственной находкой. Но не объяснять же Марте, что я забыл о ее четвероногой подруге из-за того, что нашел мертвеца покрупнее.

– Твоя приятельница обрела вечный приют, Марта, можешь быть за нее спокойной, – уклончиво ответил я и прошел в кабинет, чтобы позвонить с «КОМа». Каждый раз во время моих бесконечных межпланетных командировок, шлепая по клавишам этого замечательного аппарата, мысленно передаю привет Грише Комарову, который жил себе и жил в своем Ростове-на-Дону, паял что-то на правах младшего научного сотрудника, да и спаял Комплексный космический коммуникатор Комарова. Потом, естественно, гражданин Комаров волшебным образом стал вдруг сотрудником Академии космической связи в Лондоне, с соответствующими привилегиями, орденами, бонусами и гражданством, однако права на «КОМ» совестливый Гриша оставил родной стране, которая этим незамедлительно воспользовалась. А поскольку не менее совестливая Машка сделала из Чигги Грианскую область Российской Федерации, «КОМы» появились на восьмом материке раньше, чем в Ростове. И если на Земле пока еще для беспроводного общения не придумано ничего более удобного, чем старый добрый

доисторический мобильник, то на планетах Нерейтского Договора сносную, хотя и довольно дорогостоящую, связь может обеспечить только «КОМ».

Грианские аппараты внутренней материковой связи, которые я, по земной привычке, называю телефоном, представляют собой крайне крепкий орешек для неподготовленного, ослабленного алкоголем, никотином и прочими нехорошими излишествами землянского мозга. Я лично считал и продолжаю придерживаться мнения, что без пол-литра нашей «Российской» к грианскому телефону нормальному человеку вообще подходить не следует. Благодаря жмотству моего родного шефа, наотрез отказывающегося оплачивать КОМ-звонки своих сотрудников, мне пришлось с грехом пополам освоить местный чудо-телефон. Однако в сложившейся ситуации я не мог отказать себе в скромном удовольствии воспользоваться нетленным изобретением бывшего соотечественника.

* * *

Грианский патруль приехал значительно быстрее земного и тактично ждал меня возле леса, так что Марта, которую я попросил приготовить в память кошки утку с черносливом, омлет и что-нибудь еще по-настоящему немецкое, наверняка ничего не заметила.

Ребята бодро раскопали тело целиком.

Невооруженным глазом было заметно, что обладательницу пухленькой ручки задушили. Орудие убийства, сиреневый шелковый шарф, остался туго обмотанным вокруг ее шеи.

Грианцы по рации вызвали экспертов и машину для перевозки трупов.

Маленький и рябой полицейский предельно тактично отвел меня в сторону для допроса, и я вновь поразился, насколько грианцы похожи на землян.

– Ваше имя, фамилия, место постоянного проживания, род занятий, – отчетливо прочитал он, держа перед собой листочек с анкетой земного образца, в которой оказались вопросы на восьми языках моего родного геоида, в том числе и на жизнерадостном корявом русском.

– Шатов Носферату Александрович, Земля, город Санкт-Петербург, межпланетный обозреватель журнала «Галактика слухов», – бодро ответил я и подождал, пока слабенький переводчик полицейского справится со своей задачей.

Рыжий служитель порядка приподнял брови, но промолчал. И вы не представляете, как я был благодарен ему за то, что его удивила моя профессия, а не мое, скажем прямо, неординарное имя. Вот за это люблю работать на других планетах – кое-что человеческое им все-таки чуждо.

– Пол, возраст?

– Мужской, тридцать два года. – Безумно хотелось добавить, что до этого я еще двадцать пять лет был женщиной, а до восьми лет вообще обходился без пола, но рыжий полицейский смотрел на меня так доверчиво, что глумиться над ним не повернулся язык.

– Сколько времени находитесь на нашей планете и бывали ли на ней ранее? Если да, то сколько раз и насколько долго это продолжалось?

Вопрос снова показался мне смешным, но я сдержался и не стал демонстрировать этого. Как-никак, погибла женщина, возможно, моя сопланетница, и полицейский вряд ли понял бы мое неуместно веселое настроение.

– При каких обстоятельствах вы обнаружили тело?

– Понимаете, как ни глупо это звучит – я хоронил кошку.

И тут, глядя на его вытянувшееся лицо, я понял, что рассказывать все, как это происходило на самом деле, было бы идиотизмом. Следовательно, нужно изложить этому миляге версию, предельно общую и похожую на правду.

– Я хоронил любимую кошку моей домработницы. Кошка оказалась достаточно упитанной, и мне потребовалась ямка довольно приличной глубины. В процессе рытья этой ямки я

и обнаружил тело, точнее, палец этой женщины, затем раскопал руку, а потом пошел домой и позвонил вам.

– Извините, господин Шатов, но вы ошиблись. Найденное вами тело не является телом женщины. Это бищина. Однако я полагаю, что землянам трудно с первого взгляда определить разницу, что в какой-то мере извиняет вашу бестактность по отношению к покойной.

Позвольте тем, кто не представляет, о чем речь, кое-что прояснить. Я так много говорил о том, как грианцы похожи на нас, землян, что совсем забыл упомянуть, чем же они от нас отличаются. Так вот: их мужчины – практически ничем. Точнее, тот пол, который наши адапторы из Министерства по межпланетным связям предложили квалифицировать как мужчин. Возможно, и на Землю, и на Гриану когда-то давно высадились, отчасти говоря словами старика Дарвина, две абсолютно одинаковые космические обезьяны, прилетевшие, как я подозреваю, с Большой Нерейды. Возможно, что они даже одновременно взяли в руки палки, вот только хвосты у них отвалились немного по-разному. И так получилось, что жители Грианы в отличие от нас имеют иное разделение полов – их три. Кроме, условно говоря, мужчин есть еще женщины (опять же квалифицированные так нашими адапторами) – милые, вполне женственные существа без груди, но с системой внешних и внутренних органов, более-менее похожей на репродуктивную систему землянки. За одним исключением... Грианка имеет один яичник, расположенный на самом верху куполообразной полости, отдаленно напоминающей матку, однако она не сокращается, а яйцеклетка, не оплодотворенная в течение восьми дней после созревания, рассасывается стенками полости. Но самыми удивительными существами Грианы являются бищины (так их опять же окрестили наши творцы из отдела лингвистической адаптации, звучит дико, но слышали бы вы, какое уморительное слово для обозначения этого пола соорудили наши коллеги из Оксфорда).

Прошу простить меня за такое подробное изложение анатомических деталей наших братьев по вселенной, но, к сожалению, без этих небольших отступлений рассказ мой окажется вам абсолютно непонятным.

Так вот. Бищины представляют собой внешне вполне аппетитных фемин, со всеми необходимыми округлостями и выпуклостями, способными возбудить у полноценного земного мужчины вполне земное желание размножаться. Но в этом-то вся загвоздка – отношения с мужчинами у бищин носят скорее развлекательный характер. Вообще мне очень нравится классификация наших японских коллег-лингвистов, которые разделили грианскую любовь на три подвида: увлеченная любовь – между мужчиной и женщиной (про этот вид не мне вам рассказывать), изобретательная любовь – между мужчиной и бищиной (об этом виде я мало что могу сказать, однако поговаривают, что на этот счет любого землянина вполне может просветить любая жрица любви от Тверской до пляс Пигаль) и созерцательная любовь – между женщиной и бищиной, и вот об этом стоит сказать особо, но я снова боюсь переутомить вас излишними подробностями. Скажу только, что бищина-то как раз имеет просторную и гиперэластичную маточную полость, снабженную... извините за натурализм, щупальцем, которым она извлекает из тела женщины оплодотворенную яйцеклетку, после чего вынашивает и производит на свет наследника тройственной семьи.

Теперь, когда вы в принципе представляете себе, в чем дело, вы можете себе вообразить, как я выглядел в глазах рыжего стража порядка – подслеповатым студентом-заучкой, вместо молодой будущей матери уступившим в троллейбусе место престарелому хиппи с пивным пузом. Я извинился и честно признал, что за все время пребывания в Чигги так и не научился различать их прекрасных дам.

Служитель порядка благодушно принял мои извинения от лица всех жительниц планеты, попросил до конца недели не покидать Грианы и проживать по прежнему адресу. Что я ему с удовольствием пообещал, поскольку и сам ни за что не собирался пока покидать этот райский

уголок, так приятно удаленный от моей родной редакции, взлохмаченного Михалыча и до боли знакомых пачек свежеотпечатанной «Галактики слухов».

Веснушчатый опер залез в подъехавшую труповозку и начал что-то оживленно рассказывать шоферу, на что тот поднимал брови и ожесточенно тер переносицу. А я тем временем бесшумно (незаменимое качество журналиста) подобрался к работавшим экспертам.

Хороший слух и не менее замечательное зрение сослужили мне неплохую службу, поэтому, когда патрульная машина, а следом за ней и колымага из морга скрылись из виду, я знал, что убитая – бищина лет тридцати-сорока, задушена шелковым шарфом, скорее всего, собственным. На руках и бедрах следы инъекций, на пальце след от кольца, возможно обручального. Документов, удостоверяющих личность, не обнаружено.

От себя я мог добавить, что при погрузке на носилки один из стражей порядка зацепился часами за край ее платья, и на показавшейся на мгновение белоснежной этикетке даже слепой прочитал бы две буквы «N.Y.».

И после всего этого вы могли подумать, что я оставлю это дело грианским ковбоям, не получив своего – прекрасной скандальной кровавой истории, которые так по вкусу жителям зеленой планеты по имени Земля, особенно тем, кто избрал своим домом дивный любимый мой Питер? Отменный материал сам плыл ко мне в руки, оставалось только нагнуться и подобрать.

Что ж, с прогиба зачастую начинается любое серьезное дело, поэтому, придя домой, я подольстил к Марте, съев за ужином больше, чем обычно, а потом прошел в кабинет и позвонил Марь.

Точнее, Марь ее называли здесь, на Гриане. А когда-то давно, когда мы еще сидели за одной партой в простой земной общеобразовательной школе, звали ее Маша Иванова, и она единственная не дразнила меня из-за моего дурацкого имени. Теперь Машка держала в руках целый материк, один из восьми материков Грианы, большую часть которого занимал вольный город Чигги. Машка, а теперь Марь Ванна стояла во главе «Нако» – крупной корпорации, производившей знаменитые компьютеры «Грион 8024». Они представляли собой не что иное, как металлическую коробку размером с хороший платяной шкаф, запаиваемую со всех сторон так добросовестно, что до сих пор никто из наших земных ученых не смог узнать, как же грианцы добиваются такой скорости процессов. Мой хороший друг, академик Отто Штоффе, даже предполагал, что они создают там мини-вселенную, населенную разумными вирусами, которые и обрабатывают информацию в темпе, кажущемся им неспешным течением их жизненного процесса, а нам – удивительным быстроедействием. Распилить корпус волшебной машины земляне так и не смогли, и в этом есть и моя заслуга, поскольку именно я в свое время помог Машке создать известный на восемнадцати планетах сплав титана и... одного специфического для Грианы элемента (поймите, это не мой секрет, и не мне раскрывать его), для которого все известные на Земле способы разрушения – скорлупа от арахиса.

Вот именно поэтому, звоня Машке, я всегда уверен, что она мне не откажет. В трубке раздались длинные гудки, а потом и знакомый усталый Машкин голос.

– Алло, Машулька, это я, Ферро, – как можно бодрее сказал я, хотя на моих часах по земному времени было уже около двух часов ночи. Гриана имеет свою временную шкалу, но я по привычке пользуюсь во всех поездках моими любимыми командирскими бигбенами, подаренными когда-то давно двумя хорошими ребятами, австралийцами по происхождению и гражданами мира по сути. Каждый раз, когда смотрю на часы, вспоминаю то время и абсолютно отключаюсь от реальности. Возможно, именно поэтому я так редко смотрю на часы.

– Носферату, старая калоша, сто лет... – Голос Марь показался мне таким же, как одиннадцать лет назад, когда я провожал ее работать на Гриану. Как она называла – «на философский пароход». Машка села в космолет и за полминуты до того, как отключился мобильник,

позвонила мне и объявила, что я старый хрыч, навсегда им останусь и из всех земных женщин только она согласилась бы выйти за меня замуж.

Всегда любил эту прохиндейку за ее нежные приветствия.

– Не списывай меня со счетов, Машер, я едва разменял четвертый десяток, может, я тебе предложение делать прилетел.

– Да как же! Ты мне уже тридцать два года это говоришь, и из-за тебя я умру старой девой. – Она расхохоталась, и я с удивлением подумал, что ей тоже за тридцатник.

– Машка, я тут ни при чем, ты просто замужем за своей дурацкой корпорацией.

– Да ладно. Не будем о грустном на ночь глядя. Что тебе надо от меня на сей раз? – откровенно заявила она с нескрываемым любопытством.

– Дамочку бы мне одну пробить, местную.

– С Грианы вообще или из Чигги?

– Возможно, она и жительница Чигги, но не исключено, что в городе проездом.

– Ладно, что знаешь?

– Бицина, блондинка, возраст около сорока, носит одежду с меткой «Нью-Йорк», возможно, состоит в браке, возможно, прошла курс лечения.

На том конце провода на несколько секунд воцарилась тишина. Только издали слышалось тихое постукивание клавиш. Потом в трубке снова проснулся голос Машки:

– Ферро, а она точно натуральная блондинка?

– Точно.

– Это для грианок редкость, а уж для бицины – вообще клад. Может, у нее были земные корни.

– Не исключено, – спокойно сказал я, хотя внутри у меня все так и подрагивало от ощущения, что я вернусь на Землю с отменным материалом для Михалыча. В такие моменты я понимаю, как чувствуют себя охотничьи терьеры. – Машуль, брось распечатку на мой старый адрес.

– Да ладно, – отмахнулась она, – человечка толкового тебе пришлю, но... утром. Я не враг своим работникам, несмотря на то что друг своему бесценному Носферату. А поскольку я тебя всю жизнь люблю, хоть и без взаимности, разрешаю эксплуатировать мой персонал в течение трех грианских суток с момента знакомства. Ну все, железные женщины тоже нуждаются в сне, а в качестве благодарности принимаю ужин со свечами, но без интима.

– Договорились. Машка, ты зря, я тебя на самом деле люблю. Глубокой братской любовью.

– Вот именно. До скорого, Пинкертон писучий. – И моя бесценная Марь Ванна положила трубку на рычаг. Она никогда не дожидается финального «пока» от собеседника, поэтому у нее на все хватает времени.

Я решил, что на сегодня свершений достаточно, лег в постель и прислушался. По пустынному темному дому разносился богатырский храп Марты, с которым по выразительности и силе мог соперничать лишь легендарный громовой голос кайзера Барбароссы.

Я едва успел спуститься к утреннему кофе, еще не попрощавшись с любимым синим махровым халатом, хранившим воспоминание о душе, как Марта объявила о прибытии посланца мисс Ванна.

В прошлый раз Машка выслала мне на помощь межпланетным экспрессом такую девочку, что воспоминания о ней до сих пор приводят меня в состояние экстаза. Потом, правда, оказалось, что девочка эта – академик и начальница научного сектора корпорации, так что помимо эстетической и эротической помощи я получил такую мощную интеллектуальную поддержку, о которой не мог и мечтать. Поэтому я, ни секунды не колеблясь, решил принять посланца, так сказать, в непринужденной обстановке. А ведь мне есть что показать красивой женщине, кроме вида на Тифлисский провал.

И какова же была моя досада, когда в дверях появился щуплый черноволосый мальчик лет восемнадцати в поношенных земных джинсах и грианском бесшовном свитере.

Не здороваясь и не представившись, мальчишка начал выгружать из рюкзака рулоны распечаток и диски.

– На случай, если у вас здесь компьютера нет или в дороге решите посмотреть, Марь все в бумажном виде велела, – равнодушно проговорил мальчик, не глядя на меня.

– Шатов, Носферату Александрович, – представился я, терпеливо снося оскорбительное поведение сопляка.

– Юлий, в вашем распоряжении с этого момента. А если бы вы не были так щепетильны и повременили со знакомством, то могли бы продлить наше сотрудничество сколь угодно долго, до тех самых пор, пока я не знал вашего имени, а вы моего. Ну а теперь отсчет пошел, – досадливо закончил он.

– А ты, похоже, не торопишься возвращаться на завод. Работать не любишь.

– Скуки не переносу. Если вам развлечения нужны, то я откланяюсь, а Шеф другого пришлет, а если работать, тогда пора начинать.

Юл сел к столу, подвинул к себе мою чашку кофе и выпил ее одним глотком.

– Все, завтрак окончен. Поехали на вокзал.

Нет, этот парень однозначно начинал мне нравиться, хотя бы потому, что невероятно меня раздражал, а всем известно: то, что не делается в хорошем настроении, прекрасно удается назло.

– Зачем на вокзал? – спросил я, как можно медленнее раскуривая сигарету.

– Шеф назвала мне ваше имя и передала имеющуюся информацию. Я позволил себе несколько предположений. Во-первых, если на женщине была земная одежда, она, возможно, совершала перелеты на Землю, а в компьютерах космопорта хранятся записи обо всех прибывших на материк и покинувших Чигги за последние пять лет.

– А почему бы нам просто не позвонить в космопорт? – искренне обрадовался я, мысленно благодаря администрацию чиггийского космопорта за такую предусмотрительность.

– Потому что к материалам космопорта доступ имеет только дирекция и полиция, – охладил мой пыл хамоватый помощник, но, заметив мою разочарованную физиономию, добавил: – Однако начальник вокзала – мой дядя, а у него этот доступ как раз имеется. Распечатать нам не позволят, а вот посмотреть секретные файлы – вполне. Моя машина у входа, а по дороге вы можете поискать вашу прекрасную незнакомку среди распечаток.

– Договорились, – сказал я, вставая, и отправился переодеваться. Похоже, если привыкнуть к полному отсутствию воспитания у сотрудника Марь, парнишка действительно может оказаться очень полезен, особенно если у него будут вовремя находиться родственники в разнообразных чиггийских службах.

* * *

Машина Юла представляла собой один из многочисленных результатов семидесятилетней дружбы Грианы и Земли – бежевый «Фольксваген» местной сборки с кожаным салоном и ароматизатором в форме кораблика, болтающимся на лобовом стекле. Немецкие и японские машины, американские джинсы, вьетнамские тапочки и русская классическая литература наводнили Гриану настолько, что любой из жителей Земли мог чувствовать себя здесь совсем как дома. Юл уселся за руль. Я устроился рядом и принялся вполглаза просматривать распечатки. Бишин-блондинок в славном двухмиллионном городе Чигги оказалось всего двести шестьдесят одна, и только шестьдесят восемь из них не имели земной крови. Похоже, сходство грианцев и земных мужчин заметно разнообразило сексуальный рацион и тех и других.

Юл выехал на трассу до Чигги и включил автопилот. Я безрадостно пролистал распечатки и решил занять время иначе – потешить журналистское любопытство.

– А ты местный или с Земли? – спросил я мальчишку, молчаливо уставившегося на полотно дороги перед капотом нашего автомобиля.

– А какая разница? – бросил он, хмыкнув.

– Да, в сущности, никакой, просто хотелось бы надеяться, что ты знаешь эту планету, страну и город как свои пять пальцев, поскольку я здесь только гость. И гость нечастый.

– Я достаточно хорошо ориентируюсь в пределах известной вселенной, так что ваше дело мы разрешим в мгновение ока, – невозмутимо заверил юнец, и сразу стало ясно, что он не шутит.

– Слушай, парень, а твоя мама не подкладывала тебе в детстве вместо подушки межпланетный справочник?

– В каком смысле? – серьезно спросил он, и моя шутка повисла в невесомости, рассеянно болтая ручками. Остальные четверть часа Юл сосредоточенно следил за дорогой, выверяя настройки автопилота, а я перебирал очаровательных грианских блондинок, среди которых мне предстояло опознать обладательницу сиреневого платья и донельзя холодного тела, покоившегося сейчас в чиггийском морге.

Роза Реус, Майана Бис, Эффели Рева и тому подобные. Как говорят американцы, бла-бла-бла. И как грианцы отличают бищин от женщин?

– Слушай, Юл, скажи мне, только честно. Ты можешь отличить землянку от грианки?

– Да.

– А бищину от грианской женщины?

– Естественно.

– А как? – изумленно спросил я. Похоже, Машка действительно подсунула мне уникама.

– Бищины – толстые, – спокойно ответил он с самодовольной ухмылкой, как будто я только что признался ему, что не умею читать.

Я позволил ему спокойно наслаждаться превосходством надо мной. Требовалось осмыслить новую информацию.

Бищина, которую я нашел в поле возле дома, вовсе не была толстой, а скорее, немного полненькой, хотя все остальные знакомые мне представители этого прекрасного во многих отношениях пола действительно являлись изрядными пышками.

Я перебрал распечатки и отбросил на заднее сиденье шестьдесят восемь пухлотелых грианочек, не имеющих чести состоять в родстве с жителями Земли. Моя дама была явно с примесью земной крови. Что ж, круг поиска сузился, а это уже кое-что.

Я с новой силой принялся перебирать распечатки с фотографиями местных красоток.

Катра Кальвадос, Майя Волхонская (интересно, как отреагировало благородное семейство на появление на их генеалогическом древе грианской веточки), Гала Ривьера и... Вот она, моя красавица. Так-так, где тут по-нашенски? Никак не могу понять, почему на Гриане прижился в качестве дипломатического языка для общения с нами именно французский, я все время запинаясь на «р» в собственном имени. А, вот!

Ева Райс (Крестова). Тридцать девять лет. С восемнадцати лет состоит в браке с Магдой и Кребом Райс. Проживает: Чигги, улица Фрегата, дом 81. Имеет четверых детей... Что там еще. Водительские права, страховка. О! Да наша птичка два месяца назад подавала заявление на предоставление земного, а точнее, российского гражданства! Неплохо.

Я радостно поднял глаза и в зеркало заднего обзора заметил, что лицо у меня сияет, как начищенный самовар, а Юл смотрит на меня, как атташе на разносчика газет.

– Если вы нашли вашу знакомую, может быть, мы повернем обратно, ведь в документации космопорта надобности больше нет? – Он был откровенно разочарован тем, что не смог оказать мне неоценимой услуги.

– Расслабься, малыш, и не говори со мной на этом бургерском наречии. Именно потому, что я нашел мою дамочку, помощь твоего дяди мне кажется еще более ценным даром. Но я предлагаю по дороге завернуть в одно тихое местечко, приморский квартал. Улица Фрегата, 81. Я надеюсь, ты ничего не имеешь против? Ведь ты же не думал, что все закончилось и тебе пора на свой дурацкий завод? Приключения только начинаются, мой верный Санчо Панса!

– О'кей, начальник, – радостно заявил проводник и, выжимая максимум из своей педальной кобылы, через пару минут вихрем влетел на улицу Фрегата. Нет, все-таки эти грианцы просто помешаны на море. Ну что вы хотите, семьдесят семь процентов поверхности планеты – вода. Онептуниться – дело пары лет.

Добропорядочные районы Чигги уже давно превратились в некое подобие Австрии. Аккуратные домики, стриженные кусты. Единственное, что напоминает о том, что мы не на Земле, – фантастическая декоративная флора и уличные аквариумы. Грианцы в этом деле просто профи. Дом 81 по улице Фрегата оказался украшен водой по полной программе: от крошечного озера в глубине двора поднималась сложная система прозрачных труб и трубочек, наполненных подцвеченной голубоватой водой, в которых носились маленькие существа, напоминающие медуз, и пестрые крошечные рыбки. Трубы трижды обвивали дом и сходились над маленькой башенкой, сливаясь в купол луковкой, в котором между перламутровыми водорослями плавали все те же пестрые рыбки и медузки. Еще одна независимая от системы толстая прозрачная труба шла по земле вокруг дома. Ее дно усеивала мелкая галька, а население могло бы составить хороший обед на четверых, если, конечно, эти пучеглазые создания, что, медленно пошевеливая плавниками, кружили вокруг дома, словно сторожевые собаки, не были ядовиты. Труба резко поднималась над входом, и в ее вертикальных частях шевелились двухметровые зеленые листья каких-то местных растений.

Поверьте мне, зрелище этого произведения искусства настолько завораживало, что, нажимая на кнопку дверного звонка, я совершенно не смотрел на дверь. Юл вообще отошел в сторону и, присев на корточки, стучал пальцем по трубе, пытаясь привлечь внимание самой крупной рыбы.

Каково же было мое удивление, когда открывшая дверь сильно заплаканная женщина почиггийски всхлипнула «Заходите» и, зажав рот рукой, убежала в глубь дома.

Я вошел в прихожую, также полную рыбами, водорослями и разнообразными причудливыми существами, составлявшими богатую фауну подводного мира Грианы.

Даже диванчик, на который я не сразу решился присесть, представлял собой большой аквариум, полный крошечных, размером с лягушку, монстров, напоминавших драконов или динозавров.

Те несколько минут, что я провел в прихожей до прихода хозяина, я чувствовал себя не то чтобы не в своей тарелке. Скорее, трансвестит в мужском туалете: с одной стороны – тут мне и место, да и предчувствие подсказывает: не зря зашел; а с другой стороны – какого беса я тут делаю?

Хозяин дома появился откуда-то сбоку из маленькой дверцы за одним из аквариумов. Чуть покрасневшие веки выдавали, что он совсем недавно плакал.

– Креб Райс, – бесцветным голосом представился он, протянул мне бесцветную руку и сел напротив, пододвинув к себе круглый табурет. – Извините Магдолу. Нам сообщили только несколько минут назад. Но сказали, что на опоздание только к вечеру...

– Нет, я не из полиции. Меня зовут Носферату Шатов. Я нашел ее тело, – быстро и не слишком разборчиво выдал я приготовленные в машине фразы на чигги. Наречия первых двух материков я знал неплохо, но Новая Земля говорила по-чиггийски. Всего за восемь веков до знакомства Грианы с Землей свободный город Чигги был единственным поселением на восьмом материке. Здесь жило маленькое племя амфибий, согласившихся пустить на свою территорию людей с одним-единственным условием – сохранить «язык богов». Амфибий вырезали

сравнительно бодро – за двести с небольшим лет, и до сих пор, если вы напомните грианцу об этом гнусном факте в истории голубой планеты, он обязательно опустит глаза. Однако «язык богов» на Новой Земле все-таки сохранили, и каждый мой бой с этим непроизносимым чиггийским заканчивался победой гнусного наречия. Единственное, на что хватало моего знания волшебного во всех отношениях языка, так это вешать лапшу на маленькие красивые ушки грианских дам обоюбого пола. Однако эта наука сейчас оказалась абсолютно бесполезна. Можно было воспользоваться переводчиком в режиме фоновой речи. Благо я обладал не менее серьезными связями, чем мой юный помощник. Разработкой электронных переводчиков ведал мой родной дядя, поэтому я всегда одним из первых получал самые новые версии. Можно было включить переводчик и говорить по-русски, а вежливый механический голос параллельно бубнил бы на чигги, позволяя хозяину дома понять меня, не вслушиваясь в мой зверский, но очаровательный акцент. Но в этот дом несколько минут назад пришло горе, и хотя бы из уважения стоило сделать над собой усилие и обратиться на языке их родной планеты. Не рискнув по-чиггийски ляпнуть что-нибудь не так, я выбрал наречие овели.

– Извините, – медленно произнес я на языке первого материка, видя, что хозяин дома не знает, что сказать, – я землянин и плохо говорю на чигги...

Он вскочил с табуретки и, не глядя мне в глаза, заторопился, вспомнив правила гостеприимства:

– Пойдемте в столовую, господин Шатов. Я приведу жену, и вы нам расскажете. Конечно, это будет нелегко, но здесь не должно быть секретов. Близкие и после смерти не менее близкие. А вы, если вам угодно, можете использовать переводчик в открытую, в такой ситуации все гости в доме становятся близкими людьми.

Я оценил его жест. Креб мог бы вполне ограничиться тем, что предложил перейти на дипломатический французский, но он разрешил мне использовать личный переводчик, причем открыто, то есть не только для перевода сказанного хозяевами на мой родной язык, но и для перевода им моих фраз, произнесенных по-русски. А такое на Гриане разрешается только очень близким друзьям семьи. И единственным, чем я мог ответить на такую любезность, была откровенность и такт.

Райс проводил меня в кухню-столовую, еще более зарыбленную, чем прихожая, и исчез в одной из потайных дверей. Вот бы порадовалась моя Марта, переберись мы жить в такой домик. Ее любимая связка с ключами при подобном количестве дверей и дверок напоминала бы астру.

По правде говоря, терпеть не могу такие ситуации, когда приходится рассказывать людям о смерти их близких. Чувствуешь себя чем-то вроде радио, сообщающего сводку с фронта. Соболезновать глупо – ты видишь этих людей впервые, а умершего в живых не застал вовсе; говорить о чем-то, не относящемся к основной теме, неприлично, а молчать жестоко и равнодушно. В общем, патовая ситуация.

Вернулся Креб с заплаканной Магдолой. Я вкратце рассказал им официальную версию о кошке и Марте. Креб потер пальцем переносицу, а Мэг с тревогой переспросила:

– На ней была земная одежда?

– Да, новое сиреневое платье, по-видимому, сшитое в Нью-Йорке.

По их лицам я понял, что между ними и Евой произошло что-то такое, что теперь было особенно неприятно и горько вспоминать, а земное платье погибшей напоминало им об этом. Журналистское любопытство снова победило природную тактичность, и я, естественно, начал постепенно, сперва только кончик, а потом и полностью, совать нос не в свое дело.

– Давно она пропала?

От моего вопроса Райсы съежились, еще теснее прижавшись друг к другу. Магдола опустила глаза, а Креб, заметно нервничая, ответил, что не видел Еву уже два с половиной месяца, и вряд ли они смогут помочь с определением времени смерти.

Потом он забормотал что-то о том, что последние месяцы Ева была больна и находилась на лечении, и они редко виделись, и что-то еще в этом роде. И вдруг у меня за спиной раздался юный женский голос:

– Не надо, па, называй вещи своими именами – Ева была наркоманкой и бросила нас, потому что ненавидела.

Я обернулся и увидел в дверях, ведущих в кухню, потрясающе красивую девушку лет семнадцати. Платиновые волосы мягкими волнами спускались до талии, не столько тонкой, сколько совершенной, а грудь говорила о том, что она не грианка. В ней не было полноты бицины, а следовательно, ослепительная красавица являлась землянкой. Если не по рождению, то по биологическим параметрам – несомненно, и эти биологические параметры так и манили к себе все то человеческое, что не было мне чуждо.

– Хлоя, что ты говоришь! Ева не была наркоманкой. Она болела, серьезно болела, – забормотала Магдола, обращаясь скорее ко мне, чем к дочери, а Хлоя, упрямо глядя на родителей, повторила:

– Да, она была наркоманкой. Мы любили ее, а она нас бросила. Я слышала, как она говорила, что ненавидит Гриану. – В гневе девушка показала мне богиней возмездия, но ее очарование не мешало мне жадно впитывать информацию о моей усопшей подопечной.

Семейная сцена набирала обороты, как разрастающийся из столбика пыли смерч.

– Она страдала! – почти выкрикнула Магдола. – У нее были такие боли, что без наркотиков она не перенесла бы их.

– А потом, когда последствий автокатастрофы не осталось, почему она не перестала принимать лекарства?! Она ведь по-прежнему где-то доставала таблетки. Наверняка в той клинике, где якобы лечилась, а на самом деле обманывала и нас, и вас. – Девушка ударила себя ладонью по груди. Под рукой хрустнуло, и на голубой блузке расплылось небольшое мокрое пятно. Похоже, юная Фемида в эмоциональном порыве раздавила кулон, по всем грианским канонам представлявший собой маленький плоский аквариум величиной с большую пуговицу. Хлоя сняла с кофточки бисерных размеров рыбку и не глядя бросила ее в ближайший аквариум.

– Не надо так, Хлоя. – Креб старался выглядеть спокойным, но голос у него дрожал. Он обернулся ко мне, подался вперед и извиняющимся тоном заговорил так быстро, словно боялся, что Хлоя не даст ему закончить: – Господин Шатов. Ева была замечательной бициной, нашей биной. В нашей настоящей семье, как в старину, все трое супругов любили друг друга и вместе рожали и воспитывали детей. Нам не нужны были эти договоры отцовства-материнства, когда третий супруг нанимается на манер приходящей няни. Мы с Магдолой знали, что найдем нашу третью частичку, и не заключали брака, пока не встретили Еву. Мы любили ее, и она любила нас...

Мой переводчик мигнул. Хлоя фыркнула, прошла мимо отца маленькими, но резкими шажками и опустилась в прозрачное кресло. При этом крупная рыбина, плававшая в нем, подняла вверх выпученные глаза, и, поверьте, я ей позавидовал, поскольку вид стоил того, чтобы всю жизнь плавать среди трех водорослей в компании ракушки и чистящего стенки моллюска.

– Еве, несчастной, подавленной, тогда было всего семнадцать. Ее отец спился, а мать отказалась от нее. Землянка, произведшая Еву на свет, не захотела воспитывать бицину. Очень ранимая, нежная Ева все эти годы была прекрасной матерью нашим детям...

Креб хотел сказать что-то еще, но Хлоя, тем временем закурившая длинную дамскую сигарету, оборвала его и заговорила сама:

– Была, пока год назад не попала в аварию. Ее лечили наркотиками, потом от наркотиков. А потом она объявила, что ненавидит все, что связано с Грианой, потому что эта планета отняла у нее мать и разбила семью ее родителей. Потом она накупила земных шмоток, подала заявку на российское гражданство и в конце концов просто ушла, даже не попрощавшись с нами.

Хлоя бросила недокуренную сигарету в пепельницу и выбежала из столовой, судя по сжатым губам, мысленно уговаривая себя не плакать.

– Хлоя наша младшая дочь, четвертый ребенок, – медленно и спокойно заговорила Магдола. – Старшие уже давно работают на Земле, в Токио, а она осталась с нами, хотя, пожалуй, ей было бы легче других устроиться на Земле. Она единственная унаследовала от Евы ее земную породу и родилась биологической землянкой. Хлоя была больше всех привязана к Еве и до сих пор переживает ее уход. Мне кажется, она настолько зла на мать, что еще даже не понимает, что ее больше нет.

Магдола закрыла глаза, пытаясь сдержать слезы. Муж заботливо обнял ее за плечи, и я понял, что сейчас самое время посмотреть, что делает Юлий.

Я попрощался и собрался уже выйти на улицу, когда с лестницы, ведущей наверх, меня окликнула Хлоя.

– Господин полицейский, – тихо позвала она, не желая, чтобы слышали родители. – Если вам понадобится моя помощь, то вы можете звонить мне в любое время.

Она сбежала по ступенькам, сунула мне в руку зеленую визитную карточку и поцеловала в щеку. В этот момент я пожалел, что дал вытащить себя из дома до того, как побрился. Однако растеряться от поцелуя хорошенькой девушки мне не позволила природная наглость. Разубеждать ее в том, что я представитель закона, я не стал, а просто улыбнулся, стараясь, чтобы моя улыбка не перешла той грани, за которой заканчивается тактичность, ведь малышка только что узнала о смерти матери.

– Ваша помощь понадобится мне сегодня вечером, ведь я не знаю города. А вы могли бы подсказать мне ресторанчик, где под хороший коктейль и что-нибудь из настоящей чиггийской кухни можно поговорить по душам? Ваши родители очень уязвимы сейчас, поэтому я полагаю, что расследование не стоит вести обычными для полиции методами.

Она кивнула и улыбнулась.

– В девять приезжайте за мной, но оставьте машину на стоянке. Мы пройдемся пешком, тут недалеко, а автомобили ставить запрещено. До вечера.

Она бесшумно взбежала по лестнице и помахала мне рукой. Чудесная девушка. Глядя на такие создания, я порой подумываю о том, чтобы бросить наконец Михалыча с его журналом и обзавестись семьей. Видимо, все-таки старею...

Из мечтательного полусна меня вырвал мерный легкий стук, доносившийся из-за двери. Я вышел на крыльцо и увидел Юла. Он по-прежнему пытался разговаривать с рыбой в трубе и постукивал пальцем по стеклу напротив рыбьей морды. Я решил наконец прийти на помощь пучеглазой бедняжке и отвлечь Юлия от его высокоинтеллектуального занятия.

– Ты так долго ее пытаешь, что у нее случится нервный срыв.

Юл поднял голову и, увидев меня, встал с корточек. Он уже собирался что-то сказать, когда за моей спиной раздался голос Магдолы:

– Осторожней, юноша, наши сторожевые рыбы – разумные существа.

– Извините, мэм, – ответил Юлий, сконфуженно продвигаясь в сторону машины. Уже через несколько секунд мотор заработал, и парнишка помахал мне из окошка рукой. Я учтиво поклонился хозяйке дома.

– Был очень рад познакомиться с вами, и извините, пожалуйста, моего напарника.

Магдола приняла извинения с грустной улыбкой стареющей феи. Она стояла на крыльце и махала нам рукой до тех пор, пока мы могли видеть ее хрупкую фигурку. Таковы уж эти грианцы – тактичные и добрые существа, которые никогда не нагружают других своими проблемами. Нет, я все-таки люблю эту планету...

– Шеф, на вокзал? – с невинным видом спросил Юлий, стараясь не смотреть мне в глаза.

– Слушай, малец, ты зачем пугал сторожевую рыбу? Что эта тварь тебе сделала?

Юл обернулся ко мне с торжеством во взгляде, и я сразу почувствовал себя дураком.

- Я не пугал, а допрашивал. Эта рыба прекрасно владеет азбукой Морзе.
- И что же сказала тебе эта селедка?

Парень все больше поражал и раздражал меня, и от этого все больше мне нравился. Нет, Машка умеет подбирать персонал. Надо будет выразить ей благодарность с занесением в личное дело.

Юл вкратце рассказал мне почти что все из того, что мне удалось узнать из разговора с семьей Райс. Поскольку ничего нового я не услышал, я решил подразнить мальчишку и принял рассеянный вид скучающего на лекции студента. Моя пантомима привела его в бешенство. Он широко раздул ноздри и, как последний козырь, выложил:

– А в тот вечер, когда Ева Райс покинула дом, за ней приехала женщина в автомобиле с земными номерами. Она остановила машину на боковой улице, так чтобы ее не было видно из окон дома Райсов, но рыба дежурила около черного хода и видела, как Ева Райс села в машину. По сведениям этой, как вы говорите, кильки...

– Не кильки, а селедки, – поправил я, еще больше подзадоривая его.

– Так вот, по сведениям селедки, женщина в машине была блондинкой и биологической землянкой. К тому же талон на техническое обслуживание, прикрепленный на стекле ее автомобиля, был зарегистрирован на Земле.

Да, глазастая оказалась рыбка. Такой удачи я не ожидал. Сегодня парень точно заработал свое мороженое и шоколадку.

– Молодец, полиглот. Поехали, навестим твоего мастера вокзальных дел.

* * *

Дядя Юлия оказался плотным рослым мужчиной моего возраста, обладателем волевого подбородка капитана космолета и замечательного имени Неро. Я мгновенно проникся к нему симпатией, поскольку прекрасно знал, что такое – жить с, мягко скажем, неординарным именем. Про себя я сразу окрестил его Капитаном Ракетой.

Космический рейнджер в униформе начальника вокзала провел нас коридорами, тускло освещенными неоновыми лампами и увешанными предостерегающими табличками, и наконец мы подошли к терминалу, откуда можно было попасть в базы данных космопорта.

Мне разрешили самому сделать запрос, и я не заставил себя ждать.

Оказалось, что Ева Райс трижды слетала на Землю за последние два месяца. Я на всякий случай переписал даты отбытия и возвращения и запросил земную регистрацию Райс.

Для тех, кто еще не летал на Гриану, объясню: любой совершающий перелет в качестве туриста обязан указать цель и место своего пребывания на Земле. Два последних перелета Ева останавливалась в гостиницах Нью-Йорка и Парижа и осматривала достопримечательности, а вот информация о первом перелете вызывала большой интерес. Ева Райс должна была остановиться в Санкт-Петербурге. И целью ее визита предполагалось, цитирую, «восстановление семьи».

Значит, госпожа Райс решила вспомнить, что она землянка, и навестить мамочку.

– Господин Неро, извините, у вас есть межпланетный видеофон?

– В центральном зале и в моем кабинете, – по форме вежливо, как и полагалось начальнику вокзала, ответил Капитан Ракета.

– Разрешите воспользоваться вашим?

– Конечно, – сердечно заверил Капитан и проводил меня в свой кабинет, оставив Юлию переписывать от руки сведения, найденные в базе данных космопорта, поскольку их распечатка каралась законом, а вот о переписывании речи не шло. Нас, землян, не надо учить, как обходить законодательство.

* * *

Монитор долго рябил, пока наконец не откликнулась Земля. Завращался значок связи. Появилась строка адресата.

– Горчакова Мария Евгеньевна, Санкт-Петербург, 98-16-239-03-90, – напечатал я.

Ждать пришлось долго, но в конце концов война микробов на экране сменилась человеческим лицом, хранящим следы былой красоты и минимум шести пластических операций, после которых уголки губ престарелой богини остались навеки приподнятыми, а глаза открытыми. На меня смотрела изо всех сил молодящаяся дама в лиловом шелковом халате. За ее спиной виднелась каминная полка с семейными фотографиями и фарфоровыми мопсами. Мадам Горчакова приняла кокетливый вид и поздоровалась.

– Шатов, Носферату Александрович, журнал «Галактика слухов», – как можно любезнее представился я.

– Тот самый, – заворковала дама, жеманясь, как сорок лет назад. Хотя, к чести госпожи Горчаковой, свои некогда данные природой прелести она сохранила отменно. Ее паспорт говорил о шестидесяти пяти, лицо о сорока восьми, волосы о тридцати шести, а глаза о восемнадцати, вот только изрядно пожеванные шея и руки упрямо подыгрывали паспорту.

Она была из тех прелестных светских дам, что на приемах печально и томно располагались в креслах в надежде, что мимо, юный и прекрасный, как Феб, проплывет незнакомец-геронтофил.

Меня, по всей видимости, Мария Евгеньевна зачислила в последние. Оказалось, что бодрая пенсионерка читала все мои опусы и находится от моего дарования в величайшем восторге. И если бы вы знали, как сам я отношусь к своим творениям в «Галактике слухов», вы бы догадались, что мадам избрала худший способ соблазнения. Лучше бы она, право слово, рассказала мне о своем ревматизме и варикозе.

– Скажите, Мария Евгеньевна, давно вы виделись с вашей дочерью?

Старая кокетка прервала поток восхищенных излияний и встревоженно уставилась на экран монитора.

– Что с Кристиной? Она все-таки что-то натворила? Я всегда говорила, что эти ее знакомые и образ жизни...

Но я не дал мадам завершить свою тираду:

– Я говорю не о ней, а о вашей грианской дочери, Еве Крестовой.

Лицо госпожи Горчаковой приобрело выражение полинялой куклы, глаза выпучились, а навеки притянутые к ушам уголки губ задрожали.

– У меня нет дочери-грианки, – завопила она, – и никогда не было! И вы не имеете права... Я жена влиятельного человека...

– Успокойтесь, мадам. Ева Крестова, в замужестве Райс, была убита несколько дней назад на Гриане. Для поисков ее убийцы нам необходимо узнать, посещала ли она вас приблизительно два месяца назад.

– Два месяца назад я отдыхала в Ницце, – огрызнулась мамаша, – можете навести справки. И никакой дочери я не видела. Тем более не имею никакого отношения к этому делу.

Я понял, что еще один неверный шаг с моей стороны, и она выключит видеофон и занесет этот номер в черный список.

– Мадам, – сказал я примирительно и одарил пожилую красавицу улыбкой, от которой Мэрилин Монро, будь она еще жива, даже в свои двести с небольшим лет покрылась бы от удовольствия гусиной кожей, – извините, если я коснулся темы, которая вызывает у вас неприятные воспоминания. Но без вашей неоценимой помощи нам никогда не разобраться в этом

деле. Я был бы очень признателен, если бы вы хотя бы в нескольких словах рассказали мне все, что знаете о Еве Крестовой.

Растаявшая мадам томно прикрыла глаза, и в лице ее отразилось что-то такое, что было в нем сорок лет назад, когда Маша познакомилась с Германом Крестовым.

– Вы понимаете, ведь я тогда не интересовалась политикой, – проговорила она, словно извиняясь. – Взаимоотношения с Грианой и другими планетами меня абсолютно не волновали. Я всегда считала, что инопланетяне настолько не похожи на нас, что я легко отличу землянина от пришельца. Мне и в голову не приходило спросить Германа, землянин ли он. Это был сумасшедший роман... – Мария Евгеньевна мечтательно посмотрела куда-то мимо экрана, по всей видимости, в далекое сияющее прошлое. – Я работала секретаршей на фирме дяди, а Герман был едва ли не первым грианцем, приехавшим трудиться на Землю. Талантливый программист. Эффектный мужчина. Мы хотели пожениться. Но я уже ждала ребенка, и мы решили, что распишемся после его рождения. Мне не хотелось выглядеть короной в белом платье. О, господин Шатов, я была так счастлива, пока мне не сказали, что у меня родилась бищина.

На лице моей собеседницы появилась гримаса такого отвращения, что мне стало не по себе.

– Вы понимаете, – продолжала она, – я родила пришельца. Я отказалась от ребенка и больше ничего о ней не слышала. Наверное, отец увез ее на Гриану...

– Он спился там и умер, вашей дочери тоже уже нет, но у вас двое грианских внуков и две внучки, одна из которых биологическая землянка.

Мадам заткнула уши и замотала головой, как делают дети, не зная, чем ответить на дразнилку.

– Я ничего не хочу слышать. Я сказала вам все, что знала, а теперь, извините, ко мне должны прийти.

Не успел я нажать на кнопку включения моего микрофона, как экран погас, а потом пошел рябью. Я сидел в кресле начальника вокзала и мысленно прокручивал наш разговор – услышанное и увиденное. В словах Горчаковой все казалось ясным. Ева Райс не встречалась с матерью, она ее не застала. Но что-то в этом разговоре, пройдя мимо моего рации, отпечаталось в подсознании. Что?

Из задумчивости меня вывел Капитан Ракета, вежливо кашлянувший за моей спиной.

Я обернулся и кивнул.

– Вы уже закончили?

Я попросил еще минуту и торопливо набрал номер службы связи. Неро по-гвардейски наклонил голову и вышел в коридор, чтобы не мешать мне завершить работу.

На мониторе появилось миловидное лицо видеофонистки из службы поддержки.

– Девушка, не могли бы вы загрузить на мой компьютер последний кадр разговора с Землей. Адресат Горчакова, Санкт-Петербург, 98-16-239-03-90.

Девушка кивнула и отключилась. На экране около минуты плавал логотип Межпланетной компании связи, а бегущая строка сообщала о том, что на будущей неделе меняются видеофонные коды следующих планет: Земля – 098 вместо 98, Торго – 576 вместо 056, Малая Гера – 122 вместо 099.

Кружение значка связи и мельтешение внизу экрана усыпляли и гипнотизировали, так что когда наконец запрошенное изображение появилось на мониторе, я не сразу понял, что это. Но уже через секунду точно знал, что искал. Я выделил фрагмент каминной полки за спиной перекошенной от злости мадам Горчаковой, увеличил его и присвистнул от удивления.

Вот оно что!

Я пулей вылетел в коридор и заметался, как заяц, разыскивая Капитана Ракету. Он мирно прогуливался в левом крыле, и я едва не налетел на него, вывернув из-за угла.

– Мне очень нужно снова подключиться к данным космопорта, – задыхаясь от волнения, выпалил я, но Неро каким-то чудом понял меня и повел обратно к терминалу, где Юлий дописывал шестую страницу секретной информации.

Под его удивленным взглядом я лихорадочно набрал текст запроса.

Через несколько секунд поисковик вежливо сообщил аккуратным петитом и мелодичным женским голосом о том, что указанный мною объект ближайšie пять лет ни один из материков Грианы не посещал и разрешения на въезд не запрашивал. Честно говоря, я не ожидал такого ответа, поэтому минуту или две сидел, не снимая рук с клавиатуры и тупо уставившись в монитор. Немного отойдя от первичного шока, я мысленно усмехнулся своей самонадеянности, однако, по правде говоря, был не на шутку встревожен. За тридцать три года жизни и семнадцать лет журналистской работы мой гениальный нюх не подводил меня ни разу, а я чувствовал, что информация должна быть. Но ее не было. Не было. Как говорится, если на вольере с волком написано «осел», не верь глазам своим. И мне предстояло решить, то ли на мою вольеру табличка «осел» попала случайно, то ли я, старый журнальный волк, все это время, незаметно для себя и окружающих, был ослом в волчьей шкуре, и табличке лучше знать. Естественно, мне значительно больше импонировал первый вариант, поэтому я решил доверять своему журналистскому нюху, поскольку именно он, а не тормозной поисковик чиггийского космопорта заставил меня копать могилку для убиенной кошки именно в том месте довольно обширного участка почвы, где лежало тело жертвы убийства.

Я наскоро запросил расписание ближайших рейсов Гриана – Земля, на всякий случай. И в качестве наказания за отвратительное поведение при знакомстве, наглость и мужской пол назначил Юлия главным по переписыванию данных.

Юл горестно вздохнул, достал чистый лист и красиво и размашисто вывел в правом верхнем углу: «Рабский труд. Глава вторая. Рейсы Гриана – Земля. Списки пассажиров».

В какой-то момент я поймал себя на слабой надежде, что переписывание займет минимум восемь часов. И я, оставив моего Арчи Гудвина упражняться в чистописании, без особых проблем попаду на свидание с восхитительной Хлоей и проведу ночь в обществе гораздо более приятном, чем компания этого юного ботаника.

Юлий, принявший страдальческий и оскорбленный вид, писал, изредка бросая взгляды на меня и Капитана Ракету. В конце концов волевой дядя заметил его подмигивания и гримасы и, колоритно махнув рукой в воздухе, от чего он стал похож на актера, пробующего на роль Чкалова, объявил:

– Ладно, печатай, Юлий. Под мою ответственность.

Юл бодро запихнул листы в доисторический принтер, какими на Земле даже в Экваториальной Гвинее не пользуются уже лет сорок, ловко, пока Неро не передумал, спрятал почерневшие от секретной информации листы в сумку и подмигнул мне. Я и без подсказок уже отчетливо понял, что хороший гость уходит за пять минут до того, как прогонят, и медленно и благодарно двигался в сторону двери.

У выхода из вокзала великолепный Капитан Ракета по-отечески попрощался с нами обоими, после чего нагнулся к Юлию и осторожным, но громовым шепотом добавил:

– Я надеюсь, Юл, что ты несколько раз подумал, прежде чем доверять ты знаешь кому?

– Да ладно тебе, Неро. Это друг Марь, а Марь никогда не ошибается. Тем более в людях. – Юлий подмигнул дяде, и тот немного успокоился. – Ты же знаешь, я умею работать с информацией и умею ее хранить.

Капитан Ракета помахал нам вслед и скрылся в здании вокзала. Над входом в большом аквариуме заколыхалась крупная синяя рыба.

– Слушай, Юл. А как далеко отсюда до... – Я достал бумаги и уставился в адрес клиники, в которой, согласно данным от Марь, лечилась Ева. Понял, что без ошибок не прочту, и просто показал адрес Юлию.

– Минут десять. Если без нервов.

Мы быстро сели в бежевую колымагу моего подшефного и проехали пару улиц. Юл с трудом выруливал в потоке машин, а я чувствовал, что срочно должен разобраться в себе, иначе, уменьшись моя самооценка хоть на йоту, прощай, журналистика. Михалыч никогда не держит при себе сомневающихся. Я не мог ошибиться. Она должна была...

– Кто она? – переспросил Юлий, и я почувствовал себя сельским сторожем, повстречавшим в лесу Мерлина. Если этот паршивец еще и мысли читает, я убью Марь, и суд меня оправдает. Я не просил помощника. Я предпочитаю красивых женщин, а не сопливых пацанов. И я привык к тому, чтобы в моих карманах находились только мои руки, а в курсе моих мыслей оставалась только моя собственная голова.

– Что? – переспросил я машинально.

– Кто она? – отчетливо проговорил Юлий. – Та, с которой вы сегодня встречаетесь.

Я расслабился и позволил себе самодовольную ухмылку.

– С чего ты взял? – Я постарался произнести эту фразу достаточно равнодушным тоном, но голос предательски дрогнул, и в интонации скользнула крошечная нотка интереса. Юлий явно этого ждал. Он оставил руль правой руке и, почти не глядя на дорогу, начал по-французски отгибать пальцы левой:

– Во-первых, у вас очень мечтательный вид, и я сомневаюсь, что с таким загадочным выражением на лице вы думали обо мне. Во-вторых, госпожа академик, Гретхен Эрн, та брюнетка, что сопровождала вас во время позапрошлого посещения Грианы, и моя непосредственная начальница, отзывалась о вас как о темпераментном мужчине, и нужно ее знать, чтобы понять, что именно она имела в виду.

От мысли о Гретхен по позвоночнику прошел легкий озноб. За такой комплимент из ее уст Лондонский клуб фанатов экстремального секса отдал бы членские взносы за последние шесть лет, а любой американский подросток – все свои бейсбольные карточки.

Нет, жизнь определенно прошла не зря. Вот только почему, интересно, Гретхен так откровенничала с Юлом.

– Ты лучше скажи мне, дружище, – поинтересовался я предельно едко, – в каких таких отношениях взаимного доверия ты состоишь с Гретхен, если она обсуждает с тобой своих мужчин?

– Ну, предположим, не всех, а только наиболее запоминающихся...

Я мысленно подставил свою израненную в боях душу под поток живительного нектара, хотя, честно говоря, эти слова приятнее было бы услышать из уст самой Греты.

– В действительности Гретхен – моя очень хорошая знакомая, можно сказать – вторая мать. Я бы даже сказал, личный доктор.

– Ну-ну, – задумчиво протянул я, и на душе стало приятно и весело, – докторам и священнослужителям следует всегда говорить правду.

Я имел неосторожность усмехнуться более дружелюбно, чем предполагал, и Юлий набросился на меня с новой силой:

– Да ладно, шеф, кто она? Я очень любопытен, а ближайшие десять минут мы с площади не выедем... Так что на вашу улицу Лоэнгбертшфельтовги... – И как он это выговаривает. Ведь без единой запинки! – мы попадем не раньше, чем через полчаса. На Гриане, а тем более в Чигги пробки относительно редки, но мы с вами, шеф, удостоились чести стоять в одной из самых живописных.

Я выглянул в окно. Еще пару минут назад я готов был поклясться, что мы, во-первых, движемся, а во-вторых – что между машинами, проезжающими мимо, время от времени возникал просвет. Машины по-прежнему двигались, просвет появлялся, однако площадь оставалась забита транспортом, как банка маринованными огурцами.

– Юл, по-моему, мы едем... – с сомнением сказал я, снова высовывая голову в окно.

– Ехать-то едем, но не двигаемся. А голову все-таки рекомендую засунуть обратно в салон, – язвительно отозвался Юлий, догадавшийся, что ему из меня информации интимного толка не вытрясти.

– А где логика в твоем ответе, философ? – парировал я, закуривая.

– Пробку на кольце разбирают, раскручивая, так что, пока дораскрутят до нас, можно выкурить блок. Так что курите не торопясь.

Я твердо решил промолчать. Разговор принимал нежелательный оборот. А нет ничего хуже, чем драка в автомобиле, прочно стоящем в пробке. Постепенно ряд машин, отделявших нас от тротуара, поредел. Наше транспортное средство двигалось со скоростью велосипеда «Школьник», на котором в ранней молодости каталась моя бабушка. Промедление чрезвычайно утомляло. И в этот момент в просвете между автомобилями мне привиделось нечто необыкновенное. Совершенная женская спина, достойная кисти великого мастера. Я полагал себя мастером, и у меня было целых две кисти по пять пальцев и сколько угодно времени. И отчетливо осознал, что именно мне необходимо приложить хотя бы одну из своих профессиональных кистей к сему очаровательнейшему торсу. Спина завершалась триумфальной, неописуемой красоты и грации кормой, которой не устыдился бы эсминец. И эта корма, покачиваясь, исчезла за стеклянной дверью большого серо-голубого здания без таблички.

Машины снова сомкнулись, очарование развеялось, и я отчетливо вспомнил, что сегодня, несколько часов назад встретил девушку, на которой, пожалуй, мог бы жениться и жить с нею долго и счастливо, – Хлою Райс. Но как я ни пытался вызвать в памяти ее образ, смутно рисовались только светлые волосы и мокрое пятнышко от раздавленного кулона на плотно облегающей фигуру блузке.

– Скажи мне, кудесник, любимец богов, что это за волшебное здание со стеклянной дверью? Мне кажется, я просто обязан туда попасть.

Юлий без особого интереса посмотрел в мое окно и язвительно улыбнулся:

– О, учитывая, сколько вы курите, шеф, это не проблема. Это в общем и целом почти то же самое, что и на Лоэнгебертшфельтовги, только фундаментальнее. Городской наркологический диспансер. Центральное отделение. Милости просим.

Судьба всегда любила меня, а может, просто старается загладить вину за то, что отвернулась, когда мама придумывала мне имя. Похоже, я вполне мог успокоить свою совесть и совместить приятное с полезным. Здесь, в головном, где наверняка хранятся все сведения со всех отделений, я мог раздобыть кое-какую информацию о Еве Райс. Я оставил реплику Юлия без ответа, открыл дверцу машины и нырнул в образовавшийся просвет в первом ряду, бодро перемахнув через капот зеленой колымаги, из которой мне погрозила волосатым кулаком жуткая старуха.

Я бодро вбежал в вестибюль наркодиспансера и огляделся в поисках феи с космическим задом, но коридоры впереди и слева были пусты, а справа за стеклом сидела стройная некрасивая девушка в толстенных очках с розовой оправой. Только б не она, мысленно взмолился я, потому что девушка заинтересованно взглянула на меня и одернула форменную рубашечку. Ну зачем этой курсистке такая попа, она ведь все равно не сможет оценить этот дар судеб по достоинству. Она наверняка из тех нежных барышень, которые читают романы о всепоглощающей страсти, вспыхивающей в тот момент, когда герой заглядывает возлюбленной в глаза.

Я взглянул на регистраторшу романтическим взором одинокого мужчины, осторожно косясь на ее спрятанные под столом колени. Если моя уникальная фотографическая память продолжала служить мне верой и правдой, на так впечатлившей меня даме была бежевая, плотно обтягивающая бедра юбка-миди. На юном создании за окошечком регистратуры обнаружилась радикально короткая синяя плиссированная юбочка, напоминавшая сортовую гвоздику. Регистраторша восхищенно и благодарно проследила мой взгляд и улыбнулась с плохо

скрываемой надеждой. Я медленно поднял глаза и хищно улыбнулся. Не разочаровывать же хорошую девушку.

– Скажите, моя дорогая, а где я могу найти даму, только что вошедшую в эту дверь? – Я старался говорить как можно более безразлично и сдержанно, но глаза за розовыми очками погасли. Девушка коротко мотнула головой в сторону бокового коридора и устала в полированную поверхность стола. – А может быть, вы подскажете, в каком кабинете я могу ее найти? – мало надеясь на любезность, спросил я. Не существует в мире большего чудовища, чем женщина, которой дали понять, что она недостаточно красива.

– Она здесь не работает, – коротко и обиженно сказала девушка. – Это курьер из третьего отделения. Медикаменты получает.

– А в каком кабинете она получает медикаменты?

Я увидел, как пал в ее глазах. Да, романтического героя из меня не вышло, придется переквалифицироваться в управдомы.

– Боюсь, что где получает, там ее уже нет, – язвительно ответила девушка и указала глазами на дверь, – курьерша из четвертого отделения входит, а это значит, что предыдущий курьер уже покинул здание.

Я разочарованно обернулся и увидел, как мимо меня быстрым шагом прошла невысокая блондинка в сиреневом платье. Я не успел разглядеть ее лица, но светлые волосы и цвет платья прозвучали как сигнал к атаке. Я был почти уверен, что курьер четвертого отделения похожа на Еву Райс.

Я почувствовал, как моей ладони коснулся синий хвост птицы удачи, оставалось только сжать в руках неожиданный дар судьбы. Эта женщина может мне пригодиться. Я еще не понимал как, но эти волосы и сиреневое одеяние попались мне на глаза определенно не зря. Я бросил прощальный взгляд девушке из регистратуры и собрался было бежать вслед за вошедшей, но юная фурия в розовых очках, по всей видимости, уже несколько минут вынашивавшая план мести, с неженской силой схватила меня за рукав, придвинулась ближе и душевно прошептала мне в ухо:

– Посторонним без бахил не полагается...

– Где? – огрызнулся я.

– Там, – парировала девушка, указывая пальчиком на маленькую стойку для обувания.

Я наскоро нацепил бахилы и побежал по коридору, нутром чувствуя удачу, а спиной – насмешливый и злой взгляд девицы-регистраторши.

* * *

Я метался по коридорам, как фокстерьер на летней прогулке. Хочешь написать скандальную статью – следуй за красивой женщиной. Я шел по следу незнакомки в сиреневом платье, ориентируясь по запаху ее духов. Мой длинный журналистский нос чуял сенсацию. Коридоры путались, вливались один в другой. Мне показалось, что я разменял уже второй километр, когда за дверью одного из кабинетов услышал высокий властный женский голос. В бесчисленных коридорах наркологического диспансера я слышал десятки женских голосов различной высоты и властности, но этот особенно привлек мое внимание – женщина говорила по-русски. За все время пребывания в Чигги я слышал русскую речь только в кабинете Марь. Наш родной великий и могучий не прижился в Чигги, несмотря на все старания моей гениальной одноклассницы, и был в ходу только в стенах корпорации «Нако». И то лишь из уважения к начальнице. По всей видимости, незнакомка не сомневалась, что, как бы громко она ни говорила, шансы, что ее кто-нибудь услышит и поймет, ничтожны, поэтому дама не стеснялась в выражениях. Когда я осторожно приблизился к двери кабинета, она наградила собеседника щедрой порцией такого отборного российского мата, что меня на мгновение захлестнула ностальгия.

– ...паршивая сволочь, я сказала тебе, что сегодня. Сегодня! И если я назначила сроки, все должно быть готово вовремя, усек, ошибка природы?! – Я приник к замочной скважине, но не увидел ничего, кроме сиреневой спины бушующей курьерши.

Мужской голос осторожно и виновато попытался оправдать своего владельца на безбожно исковерканном русском, но не преуспел.

– Ты мне потом будешь говорить! Я не для того бегаю полгода вшивым курьером, чтобы ты все пустил псу под хвост. Ты вникаешь, борода... многогрешная?!

По всей видимости, борода вникала. Мужской голос что-то буркнул, дама решительными шагами отошла от двери, наконец открыв мне достаточный обзор из замочной скважины. Какое счастье, что некоторые учреждения не перешли на карточки, а продолжают пользоваться своими замечательными ключами – в такую дырку в двери, какую представляла собой замочная скважина, можно было фильмы снимать, а не только подглядывать. Смотреть оказалось особенно не на что: курьерша стояла спиной к двери, заслоняя от меня лицо и часть туловища мужчины в грязно-голубом медицинском халате. Ее собеседник бормотал что-то себе под нос, изредка указывая на дверь справа.

Что-то подсказало мне, что за этой дверью меня ждет ценное вознаграждение за потраченные в беготне по коридорам нервные клетки. Дамочка и ее бородатый собеседник скрылись за дверью, плотно закрыв ее за собой. Не заставив себя ждать, я приоткрыл створку, прошмыгнул в кабинет и бодро влез под накрытый стерильной салфеткой высокий стол с банками и пакетами, полными разноцветных порошков. Что-то звякнуло у меня над головой. Я прижался спиной к стене и стал невесело перебирать в уме варианты ответов на вопрос «Что вы здесь делаете?». Я не смог бы ответить, что заставило меня пробраться в кабинет и засесть под столом, но я трижды поблагодарил это что-то, когда курьерша и бородач, переговариваясь, быстро вышли из кабинета и в двери повернулся ключ.

Я осторожно вылез из укрытия и неслышно подошел к выходу. Шаги удалялись. Да, так всегда, попался, как школьница в кроличью нору, только вместо кролика дорогу мне перебежала потрясающая женская задница. Я падал в глубочайший колодец, услужливо выкопанный судьбой, и вокруг становилось все чудесатее и чудесатее. За таинственной дверью, которую ушедший второпях медик, к моему счастью, забыл запереть, оказался белоснежный кабинет с тремя столами, на одном из них лежала грудa, накрытая простыней. На остальных двух в лотках плавали в зеленоватом растворе какие-то лоскутки и ошметки. Я приподнял простыню и увидел обнаженный торс безголового женского тела. Там, где должна быть шея, торчали портновские булавки, зажимы, свисали лоскуты кожи. Я полез в карман за мобильником в надежде сделать хоть какие-нибудь снимки, но в этот момент в коридоре вновь послышались шаги и голоса.

Да здравствует утренняя гимнастика. Будь проклято пиво и сидячий образ жизни. Я рысью рванул к укрытию под столом, нырнул под простыню и закрыл глаза, пытаясь восстановить и закрепить в памяти увиденное.

Бородач – я узнал его по голосу – вернулся в сопровождении дамы. Возле скрывавшей меня простыни остановилась пара красных туфельек. Ни одно существо женского пола во вселенной, будь оно с Земли ли, с Грианы или еще откуда-нибудь, ни за что не нацепило бы красных туфель с сиреневым платьем, из чего я сделал вывод, что борода не терял времени даром и, наскоро выпроводив русскоязычную фурию, обратился к делам более приятным. Его ботинки медленно подошлись к красным туфлям. Он замурлыкал вполголоса на чигги. Дама издала несколько неопределенных звуков, похожих на довольное фырканье, после чего бородатый нарколог и его возлюбленная неторопливо отправились в ту самую комнату, из которой я пулей вылетел пару минут назад. Скрипнула дверца шкафа, я заметил край медицинского халата над красными туфлями, послышался еще один сдавленно-кокетливый всхрюк, означавший, что борода таки шлепнул свою подругу несколько пониже спины и ошутимо повыше пяток.

Я выбрался из укрытия и медленно двинулся к выходу. Дверь в комнату с телом была приоткрыта, борода и его бессловесная помощница возились с лоскутами на горле, обмениваясь нежными нечленораздельностями. Я запихнул подальше любопытство, медленно и осторожно повернул ключ в двери и, выбравшись в коридор, дал добротного гуманоидного деру. Сердце колотилось, в голове уже мелькали заголовки для будущей статьи. Я прекрасно осознавал, что ничего пока в этом деле не понимаю, но видел уже достаточно для того, чтобы слепить бодрящий межпланетный скандал.

Я вышел через боковую дверь для курьеров вслед за очередной дамочкой с номерным медицинским жетоном на поясе, от избытка чувств и энергии, изловчившись, ушипнул ее за задницу и, захваченный эйфорией, пробежал пару метров по улице. Но, израсходовав полученный в кабинете бородатого нарколога адреналин, стал понемногу успокаиваться. Перешел на шаг, достал из кармана «ком» и стило, переключил коммуникатор в режим блокнота и принялся составлять схему.

Дано: Тело с головой (Ева Райс) – одно.

Тело без головы – одно.

Женщина, похожая на Еву Райс, живая...

В этот момент за моей спиной раздался резкий противный звук, на поверку оказавшийся автомобильным клаксоном. Я сунул коммуникатор в карман и обернулся, готовый в любую минуту спастись бегством, но из знакомой бежевой колымаги высунулась довольная физиономия Юла.

– Шеф, карета к подъезду! – завопил он и призывно махнул рукой.

Я вдруг почувствовал, что здорово устал, мне необходимо сесть, выпить и подумать, но в раскаленную от жары машину лезть не хотелось, а разговор с Юлием, который уже предвкушал захватывающий экскурс в мир моих интимных тайн, прельщал и того меньше.

– Слушай, парень. – Я лениво и расслабленно оперся о крышу автомобиля и придал своему лицу скучающее выражение земного светского льва. – На сегодня ты абсолютно свободен. У меня *были определенные планы* на этот вечер, так что извини...

Я многозначительно замолчал, огонек во взгляде Юлия несколько угас, но где-то в глубине его глаз я заметил хитрую искру.

– Подвезти? – учтиво спросил он.

– Пройдусь, – парировал я. Не хватало еще, чтоб мой подручный увязался со мной на свидание к божественной крошке Хлое. Но Юлий, похоже, решил для себя, что сегодняшней вечер разделит со мной во что бы то ни стало.

Я сделал свирепое лицо, стараясь, чтобы в моих глазах отчетливо читалось: «Будешь за мной следить, уши отрублю».

Брови Юла приподнялись и изогнулись. Автомобиль медленно пополз вдоль поребрика. В последний момент я почувствовал, как даже сам затылок Юлия, смутно различимый за стеклом автомобиля, говорит: «Ну-ну...»

Я снова вынул «ком» и углубился в работу. Я так и не забрал из машины электронный блокнот, но не возвращать же поганца Юла ради такой мелочи.

* * *

Чиггийский космопорт мог всерьез надеяться на встречу со мной в восемь грианских часов утра в пятницу. Был четверг. В голове крупными веселыми буквами мигало: «Кажется, есть! Кажется, я кое-что нащупал. Еще немного, и в выстроенную мной мозаику как влитой ляжет и безголовый труп».

Я мысленно гладил себя по голове за столь молниеносную работу и прикидывал первые строчки будущей статьи. Тем более что на вечер, а если все пойдет хорошо, то и на ночь, у меня уже были планы.

* * *

На улицу Фрегата я прибыл несколько раньше намеченного времени. Джентльмен никогда не заставит даму ждать, а рыцарь вполне может польстить ее самолюбию, придя заранее, а поскольку я полагаю себя и тем и другим, я затаился в нетерпеливом ожидании, выбрав стратегически выигрышное место. А выигрышность места, по моим понятиям, заключается в следующем: во-первых, дама не должна заметить меня сразу, тогда по ее лицу можно будет прочитать ее мнение обо мне и, что самое интересное, чего она ждет от свидания. Во-вторых, место моей засады должно быть освещено так, чтобы я при ближайшем рассмотрении не казался слишком носатым, поскольку, как ни крути, в моем лице воплотились все самые страшные сны Гоголя, Акутагавы и Сирано де Бержерака – мой длиннющий литературный нос уже шестнадцать лет постоянно совался куда не следовало, но все равно проигрывал в длине моей физиологической нюхалке. А в-третьих, место должно быть таким неприметным, чтобы, оказись моя очередная фея при пристальном рассмотрении самкой аллигатора, я мог бы бесшумно смыться с места встречи, не будучи замеченным и не оскорбляя ничьих чувств своим побегом.

На Гриане темнеет быстро, значительно быстрее, чем на Земле, поскольку и планетка чуть поменьше нашего родного геоида, да и светило у них миниатюрнее земного красна солнышка. На улице Фрегата уже зажглись фонари. В их прозрачных опорах плавали неоновые рыбки, на стенках замерли улитки-чистильщики, а круглые лампочки рассеивали вокруг себя матовый голубоватый свет. Внешние аквариумы на фасадах домов сияли лиловым и зеленым. От этого аккуратная и спокойная днем чиггийская улочка приобрела вид представительства потустороннего мира. Мне стало неуютно и прохладно, но через пару минут, оглядевшись, я заметил местечко, которое вполне могло оказаться выигрышным по всем статьям. Голубоватый круг от уличного фонаря казался надгрызенным тенью от небольшого декоративного дерева, которое соседи Райсов явно привезли не с Земли. Чудное растение с крупными овальными черными листьями и ярко-синими, похожими на ирисы цветами даже в вечерних сумерках производило странное впечатление мрачности и благородства. Справа от этого инопланетного черного насаждения образовалась полуметровая в диаметре слепая зона, не разрушаемая ни светом фонаря, ни подсветкой внешних аквариумов. Дерево оказалось на двадцать – двадцать пять сантиметров выше меня. Я притаился в этом темном пятне, и тень скрыла меня, словно бесшовный грианский плащ-невидимка, скроенный по моим размерам.

Хлоя появилась через минуту или две, и ее вид заставил меня немедленно бросить едва закуренную сигарету. На грианской землянке был серебристый вечерний комбинезон, обтягивавший ее хрупкую и потрясающе женственную фигуру в таких подробностях, в каких мой приятель академик Отто Штоффе знает высшую математику. И почему грианки с удовольствием носят земную одежду, а наши консервативные дамочки до сих пор не позаимствовали у них эти космические бесшовные наряды из гаррадия? На Земле считается, что грианские вещи способствуют возникновению рака груди, однако, поверьте мне, дражайшие землянки, грианские бицины не уступают вам в округлости форм, однако о раке этих весьма рельефных мест никто и слухом не слыхивал.

В нескольких метрах от меня стоял один из самых замечательных грианских рельефов. Хлоя заговорщицки оглянулась и тихо спросила: «Господин полицейский, вы здесь?»

Потрясающая девушка. Она даже не знает моего имени, а согласилась поужинать со мной втайне от родителей. В своей доверчивости в отношении правоохранительных органов она похожа на пожилую американку, но та хотя бы спросила бы значок или удостоверение и никогда

не поверила на слово. Настолько прекрасную и наивную девочку я больше не мог заставить ждать ни секунды.

Я сделал шаг в круг голубого света, Хлоя обернулась на шорох и, заметив меня, вздрогнула и широко открыла глаза.

Я подошел ближе, улыбнулся и со всей возможной галантностью поднес к губам ее руку.

– Вы давно здесь, – прошептала она, испуганно и трогательно улыбаясь, – мне показалось, вы появились прямо из воздуха.

– Вы почти угадали, моя прекрасная сирена. Я перенесся за тысячи световых лет, привлеченный вашим пением. Мое бедное сердце разбилось о неприступные скалы вашей красоты. Остается только надеяться на сострадание моей прекрасной повелительницы... – Поверьте мне, иногда я, хотя и похож на длинноносого журавля, начинаю мурлыкать чище самого настоящего леопарда. А перед Хлоей выкладывался так, что вот-вот должен был пожелтеть и пойти черными пятнами. Я подумал о том, как бы встретила подобный сентиментальный и напыщенный бред каждая первая землянка чуть старше пятнадцати лет. Она непременно назвала бы меня идиотом, невежливо попросила больше не разговаривать не только с ней, но и вообще не разговаривать, да еще и от всей души прописала бы хороший хук по моим еще свежим румяным мордасам. Так вот, в такие моменты я искренне наслаждался тем, что я не на Земле, и тем, что со словарем немного говорю по-чиггийски. Хлоя краснела, ее приоткрытые губки (говорят, что через открытый рот слова быстрее попадают в мозг) ловили и проглатывали каждое слово. Ее ресницы подрагивали, она смотрела на меня, как младенец на вывеску, но наконец спохватилась и отвела взгляд.

– Я обещала показать вам ресторанчик чиггийской кухни. Он совсем неподалеку. – Моя красавица поправила упавшую на глаза прядь, надеясь избавиться от смущения, но, поверьте мне, это еще никому не удавалось. Носферату Шатов никогда ни к чему не подходит халатно, а особенно к отношениям между полами.

Мы молча прошли пару полутемных улочек, переливающихся матовым светом аквариумов, фонтанчиков и фонарей. Вечерней тишины не нарушало ничто, кроме журчания воды в искусственных озерах, питающих водный декор домов и баров. Но когда я уже протянул руку, чтобы опустить ее на талию моей прекрасной спутницы, за поворотом открылся вид на сверкающий всеми цветами радуги ресторан. Над входом переливалась вывеска с очередным названием на океанско-морскую тему, в толстых прозрачных стенах перекачивались скаты и морские коньки, вместо дешевых зеленых водорослей в столбах у входа шевелились дорожные даже для Грианы перламутровые, синие и голубые с желтой каймой – их везут с седьмого материка с романтическим названием, наиболее удачным переводом которого является «Летучий корабль».

Хлоя ухватилась за водоросли, как утопающий за соломинку, и тут же обрушила на меня целый поток информации об этих, надо сказать, довольно скучных растениях.

– Водолазы вручную выкапывают перламутровые водоросли на глубине триста метров, а поднимаясь, соскребают со стен ущелий синие и голубые, которые начинаются с двухсотметровой отметки и порой достигают семидесяти метров в высоту.

Она продолжала говорить, даже когда мы садились за столик, и эта отважная попытка защититься от моего, надо сказать, откровенно хищного взгляда умиляла меня, как домохозяйку открытка с котятками. Когда похожий на ужа официант принес меню, Хлоя продолжала говорить и, не останавливаясь и не оборачиваясь, взмахом руки заказала: «Как всегда». Я наугад потыкал пальцем в непонятные названия экзотических чиггийских яств, вслепую выбранные из меню первых, вторых и третьих блюд. Однако с десертом решил не рисковать, а пить предпочел то же, что и дама.

В конце концов Хлоя немного успокоилась и замолкла. Я положил свою ладонь на ее тонкую бледную руку, проникновенно и томно взглянул из-под полуприкрытых век, но в этот

момент не в меру резвый для Чигги официант принес тарелки и бокалы, и я не решился продолжить штурм, боясь спровоцировать мою красавицу на очередной приступ пересказывания учебника биологии за шестой класс грианской девятилетки. Я сделал серьезное лицо и доверительно наклонился к ней. От удивления неосознанно повторяя за мной, Хлоя подалась в мою сторону и заглянула в глаза с безмолвным вопросом.

– Хлоя, вы рано встаете?

– В смысле... – Она сделала такое испуганно-удивленное лицо, будто ей только что ска-зали, что Гриана – квадратная.

– В смысле, просыпаетесь. Мне это необходимо знать вовсе не из праздного интереса. Я очень рассчитываю на вашу помощь. Завтра. В половине восьмого утра.

Она трижды кивнула, замороженно смотря мне в глаза. Через долю секунды ее взгляд стал осмысленным. Щеки порозовели, руки вцепились в скатерть, а вся она превратилась в сплошной вопрос:

– Вы нашли убийцу Евы?

Мне не хотелось раньше времени радовать девушку, поэтому я склонил голову, опустил глаза и, жеманясь соответственно случаю, пробормотал, что не уверен, но с ее помощью моя уверенность может значительно укрепиться.

Хлоя закивала и успокоилась окончательно. Она смотрела на меня с такой надеждой и нежностью, что я чуть не сделал ей предложение.

К стыду своему признаюсь, что уже почти начал говорить, когда заметил, что Хлоя смотрит не на меня, а на кого-то или что-то за моей спиной. Оружия при мне отродясь не было, кроме врожденного везения, поэтому я решил не торопиться и не дергаться, а осторожно положил вилку и нож на скатерть и обернулся. За моей спиной взирал с высоты своего более чем посредственного роста мой драгоценный помощник Юлий. По его лицу было понятно, что он меня не видит. Пацан уставился на Хлою, словно японец на мемориал Авраама Линкольна. Я с досадой обернулся, чтобы посмотреть на мою спутницу, и понял, что стоимость моих акций рухнула ниже цены туалетной бумаги. Похоже, уже несколько секунд я был необратимо лишним.

Но могу сказать одно: таки не дождетесь. Если уж я не могу позволить себе влюбиться в девушку, я вполне могу подпортить вечер тому, кто в нее уже влюбился. Вот таким я порой бываю гадом, и не надо списывать все на разрушающую мораль и нравственность профессию журналиста. Это одна из главных черт моего характера – порой я ужасно несносен.

– И каким ветром тебя притащило в этот ресторан, мой милый? – Я обратил мой перекошенный от досады фас к Юлию и укоризненно глянул в его бесстыжие глаза.

Он абсолютно не заметил моего сарказма, поскольку не удостоил шефа даже взглядом. Мой злейший помощник уже уселся между нами, не отрывая глаз от Хлои, и невозмутимо спокойным голосом принялся «докладывать обстановку»:

– Я отогнал машину в гараж на улице Бриза и, поскольку не получил дальнейших указаний, решил разыскать вас. Я вспомнил, что вы не пообедали, и подумал, что найду вас в каком-нибудь ресторане. В этой части города вы сегодня оказались впервые, и улица Фрегата, судя по вашему лицу, когда вы выходили из дома Райсов, произвела на вас хорошее впечатление. В барах в этом районе подают только напитки. А единственным рестораном здесь оказался этот. Я увидел вас сквозь стену, а вот вашу спутницу заметил, только когда вошел, иначе я не стал бы прерывать ваш разговор. Половину вашего столика с улицы не видно, ее загораживают водоросли.

Юлий продолжал бормотать. Хлоя слушала все это как признание в любви и не обращала на меня никакого внимания. Злость потихоньку улетучилась, сменившись философским благожелательным равнодушием. В конце концов, не везет в любви, повезет в картах, а как карта ляжет, будет ясно только завтра утром. Я еще раз с грустью стареющего одинокого мужика,

которого дома ждет только экономка, а на Земле лишь мама, поднялся и грациозно и неторопливо, как все старики, пошел к дверям, картинно бросив через плечо: «Завтра в половине восьмого у главного входа в космопорт». Все-таки иногда приятно повыпендриваться, даже если этого никто не заметит.

* * *

Около половины восьмого я стоял у главного входа и без надежды ждал свежевлюбленных. За Юлия я не волновался. Этот супербой явится минута в минуту, но каждый мужчина знает, что даже самой красивой женщине на наведение блеска требуется не менее часа. Но часа у нас не было. В восемь часов ноль-ноль минут отправлялся космолет Гриана – Земля, а через пятнадцать минут начиналась регистрация пассажиров.

Я поймал себя на том, что еще раз посмотрел на часы. Никак не могу избавиться от этой привычки, хоть меч над рукой вешай. Было семь тридцать восемь, и я вошел в здание космопорта. Четыре металлоискателя, шесть патрулей, два магазинчика грианских сувениров и наконец-то терминал Земля – Гриана. В шестнадцати почти что земных очередях на первый взгляд насчитывалось около двухсот человек. Я неторопливо обошел очереди, и сомнение начало усиливаться. Конечно, как журналист, на Земле я выпутался бы из любой неприятной ситуации, но стать причиной межпланетного конфликта не хотелось. В сложившейся ситуации права на ошибку не было и не могло быть. А без участия Хлои риск оказывался слишком велик.

А может, плюнуть на Гриану, помахать корочками журналиста, в последнюю минуту сесть на космолет и закончить дело на Земле? Там, в случае чего, меня есть кому отмазать.

И тут я остановился не только на полусагае и полуслове. Я не смог даже додумать свою мысль, когда заметил в третьей очереди ту, которую искал.

Я резко развернулся на сто восемьдесят градусов и пулей вылетел из космопорта, напугав пару нагруженных сувенирными аквариумами старух. Только бы они успели. Прозрачные двери разлетелись передо мной, как питерские голуби. На условленном месте в романтической позе стояли мои опоздавшие влюбленные. Как ни грустно, но идиллию пришлось разрушить. Либо мы делаем дело, либо дело делает нас.

Я подошел как можно громче и все равно застал их врасплох.

– Вы уже здесь? – удивленно спросила Хлоя, заправляя платиновую прядь за крошечное ушко.

– Уже пятнадцать минут, и если мы не поторопимся, то убийца вашей матери вылетит следующим рейсом.

Юл и Хлоя вытаращились на меня с ужасом и удивлением.

– Сейчас, моя милая, вы войдете в здание космопорта, прогуляетесь по терминалу Гриана – Земля. Если вы заметите кого-то знакомого, не удивляйтесь, не окликайте, а просто шагайте мимо и ненароком уроните сумочку. Хорошо бы, если бы из нее что-нибудь посыпалось. Потом собираете рассыпанное и возвращаетесь сюда. Понятно?

Хлоя кивнула, а новоявленный Ромео осторожно поинтересовался, не опасно ли это. Естественно, я заверил его, что это совсем не опасно, если, конечно, Хлоя сделает все так, как я сказал.

– Но у меня нет сумочки, – опомнилась Хлоя, показывая мне пустые ладони.

И тут я еще раз удостоился удивленного, но на этот раз еще и восхищенного взгляда. Я эффектным жестом профессионального фокусника достал из своей сумки что-то переливающееся и дамское размером с небольшой кошелек. Сквозь сумочку была видна россыпь разнообразной косметики, зеркальце, пачка одноразовых платков и пара смятых купюр. Сумочку мне пожертвовала и собрала одна из грианских приятельниц моей благословенной Марты, некая обладательница гнусавого голоса и четырех внучек, одна из которых два месяца назад пере-

бралась на Землю. Хлоя мгновенно расстегнула сумочку и принялась копаться в содержимом, перекладывая что-то с места на место.

– Хлоя, что ты делаешь? Мы опаздываем! Дорога каждая минута!

– Я просто хочу, чтобы все было правдоподобно, – чопорно отозвалась она.

– И что же тебе кажется неправдоподобным? – Я чувствовал, что закипаю.

– Коричневая помада в сумочке платиновой блондинки, – отрезала Хлоя, сунула мне в руки какой-то прозрачный футлярчик и, решительно цокая каблуками, скрылась в здании космопорта.

Ждать пришлось недолго – Хлоя, отрешенная и бледная как медуза, пошатываясь, спустилась с лестницы и едва не упала. Юл подхватил ее, но у меня не было времени на нежности.

– Она тебя узнала? – Я потряс Хлою за плечо, и она приоткрыла глаза.

– Нет.

Этого «нет» было вполне достаточно.

Я появился в терминале, когда пожилой таможенник проверял нехитрый багаж полненькой блондинки-бищины, одетой в лавандовый дорожный костюм. Я кинулся через весь зал и оказался рядом ней, но таможенник остановил меня, укоризненно глядя в мои безумные глаза, и посоветовал не мешать проверке. Он уже отодвинул меня от улыбавшейся мадам и почти отдал ей документы. Я понял, что если не пойду ва-банк, то все будет зря и убийца уйдет прямо из-под моего длинного носа. Я выхватил из кармана перочинный нож и резанул по лавандовому платью и скрывавшемуся под ним пухлому телу.

Размеренная тишина космопорта взорвалась над моей головой чудовищным скандалом. Вокруг меня плескалось целое море криков, но крови не было. Блондинка зажимала рукой продырявленный бок, но между ее слишком тонкими для бищины пальцами текла струйка красноватого порошка.

– Что это такое? – залепетал удивленный таможенник, но его мгновенное изумление прошло, и дама, истекающая песком, была украшена наручниками. Трое крепких ребят препроводили мадам в кабинет начальника таможни, и мне ничего не оставалось, как тоже в наручниках отправиться следом. Хотя бы для того, чтобы объяснить, что земляне не нападают с ножом на первую встречную, во всяком случае, без причины.

* * *

Пассажирка утреннего рейса Ева Райс сидела, картинно закинув ногу на ногу, и курила. За последние несколько минут она заметно похудела, а около правой ножки стула, на котором она расположилась, образовалась изрядная кучка красноватого песка.

Она не хотела и не собиралась говорить.

Грустный и встревоженный таможенник поднял на меня глаза.

– Может быть, вы объясните нам, уважаемый господин Шатов, что произошло сегодня в третьем терминале? И почему вы бросились с ножом на госпожу Райс?

Я постарался надеть на свою физиономию самое доброжелательное и невинное из возможных выражений и приступил к разоблачению. Настала пора открыть глаза правоохранительным органам на гражданку Чигги Еву Райс. Я прокашлялся и выловил первый козырь из своего обширного шулерского рукава.

– Для начала хотелось бы сказать, что перед вами не Ева Райс, а подданная планеты Земля, гражданка России, жительница Санкт-Петербурга Кристина Горчакова.

Надо сказать, что сам я в этом не был абсолютно уверен, точнее, я был совершенно не уверен в том, что говорю, но мой длинный нос подсказывал: если я разыграю эту подачу, решающий раунд останется за мной. Лже-Ева презрительно скривила губы и отвела глаза. Я попал в точку. Мозаика сложилась. Окрыленный первой удачей, я принялся развивать свой успех.

Переводчик на столе лихорадочно замигал красной лампочкой, транслируя мои слова и в половине случаев отвечая «Нет аналога». Я, свысока глянув на суетившегося около древнего аппарата полицейского, попросил разрешения воспользоваться своим переводчиком. Дамочка вынула изо рта сигарету, досадливо подцепила носком туфельки немного песка и изящно намажничуренным пальчиком оттянула лиловый шейный платок, под которым показалась полоска уродливого шрама.

– Эта дама является контрабандисткой и убийцей, – продолжил я, и мой собственный переводчик отлично справился с работой, переведя все слово в слово. – Она совершила убийство сводной сестры Евы Райс и неоднократно пользовалась документами покойной для совершения перелетов между Грианой и Землей. Причем с Земли, скорее всего, привозила наркотики, которые прятала в силиконовом костюме с покрытием, имитирующим человеческую кожу. В полости костюма засыпался порошковый наркотик. А вот какой именно, придется устанавливать вашим экспертам, потому что ваш покорный слуга всего лишь журналист, и единственное, на что способен из данной области, так это очень схематично нарисовать листок конопли.

Надо сказать, что в своих рассуждениях я по-прежнему двигался на ощупь. Я лишь мельком видел костюм в кабинете бородастого нарколога и до недавнего времени был уверен, что это безголовый труп. Улики за меня собирал допрашивавший нас таможенник. Он подошел к арестованной, осторожно пальцем отодвинул с шеи платок и осмотрел шрам. Я представил себе, как бы все это выглядело на Земле. Грианцы – народ тактичный и патологически вежливый. На родном геоиде нас бы обоих уже обшмонали вдоль и поперек.

– Действительно, искусственная кожа, только нижний слой – все-таки не силикон, а кое-что поинтересней. Новая разработка, – констатировал таможенник. – Похоже, у этой дамы богатые и влиятельные друзья. Горловина костюма обработана грубо и наспех. Она не могла воспользоваться им несколько раз, мы бы... – Он замялся, потому что факт был налицо. Курьерша уже прошла проверку и, если бы я не вмешался, с комфортом летела бы сейчас на Землю.

– Не волнуйтесь. Возможно, ранее она пользовалась другими приспособлениями. Со своей стороны, могу лишь предположить, что существовал другой костюм, который был испорчен, поэтому в спешке пришлось изготавливать новый, чем и объясняются недоработки горловины.

Мне пришла шальная мысль, что это настоящая Ева Райс, узнав о бизнесе сестры, испортила костюм, за что и поплатилась жизнью. Я, оговорившись, что это не свидетельские показания, а только информация к размышлению и досужие домыслы проезжего журналиста, высказал свои предположения вслух.

Таможенники, стоящие у дверей охранники – все обернули головы к даме в лиловом. Я ждал.

Я видел по ее лицу, как в платиновой голове подозреваемой шла работа по пересчету миллиграммов в годы строгого режима и обратно. В уме прикинув статьи и сроки, под какие она попадала, мадемуазель Горчакова решила играть в открытую. «Ну что ж, вскрываемся», – с некоторым неприличным случаю злорадством подумал я, представляя, как позеленеет лицо Михалыча, когда он прочтет мою новую грианскую статью.

– Если это только предположения, – неторопливо прошипела сквозь зубы моя преступная сопляница, – то ты, парень, хренова Кассандра.

Переводчик космопорта пошел разноцветными огоньками, но так и не совладал со словом «хренова», мой бодрым механическим голосом выругался на чигги. А на мою израненную в боях с вселенским злом душу волшебное русское слово пролилось словно живительный бальзам. Вообще, я из тех немногих счастливицков, способных получить удовольствие даже от порядочной обоймы отменного четырехэтажного мата, если в нем читается встающее поперек

горла говорящему признание поражения. Я победил. Я потрясал копьём. Носферату Шатов снова возвращался с охоты с добычей. Моя дичь надменно посмотрела прямо мне в глаза и нагло подмигнула.

– Все так и было. Она узнала, что я порочу ее доброе инопланетянское имя, и изрезала костюм. Она не выпустила его, даже когда я ее душила.

Я почувствовал, что если ее не остановить, то в запале она расскажет все. Но почему-то мне стало не по себе. Я подумал о Хлое, Райсах, мертвой Еве, отвратительной молодящейся старухе Горчаковой и понял, что не хочу знать правду. Я и без того вдруг почувствовал какую-то вину за то, что я землянин.

– Послушайте, – перебил я злобную фурию, обратившись к таможеннику, – а что мадам Горчакова перевозила с Грианы на Землю? Я ведь так и не знаю, что это за порошок. Но надеюсь, вы мне расскажете.

Таможенник, приготовившийся слушать «всю правду», обиженно и растерянно обернулся ко мне, словно я лишил его сладкого. Но мгновенно обрел душевное равновесие и подавил порыв любопытства.

– Это тоже наркотик. Местный. На Гриане он используется только для медицинских нужд.

– Сильный? – спросил я скорее из вежливости.

– Очень, но организм почти не разрушается, и нет ярко выраженной ломки, скорее, эффект зомбирования до получения новой дозы, раздражительность, приступы агрессии...

– И какова стоимость вот этого бархана? – Я указал глазами на горку порошка у ног наркокурьерши.

Таможенник наклонился к моему уху и шепотом произнес всего три слова, от которых я с чувством присвистнул.

– А мне полагается сувенирная порция вот этого порошочка, столовая ложка, две, чтоб я мог безбедно прожить до глубокой и счастливой старости?

Таможенник с трудом уловил шутку в моих словах. Видимо, оба переводчика не были настроены на столь игривое общение. Но таков уж я. Что называется, мимо тещино дома я без шуток не хожу, и мое чудовищное чувство юмора, наверное, покинет меня после смерти вместе с душой. Но сомневаюсь, чтобы ему нашлось место в райских кущах.

Еще около часа ушло на проверки и перепроверки. Таможенники стучали по клавишам компьютеров, а мы с мадам Горчаковой изучали друг друга с взаимным омерзением. В конце концов за моей дамой пришли. Теперь в своем костюме для межпланетных перелетов она напоминала съездившийся и покрытый апельсиновой коркой шарик.

В дверях она обернулась и, красиво тряхнув волосами, спросила:

– И все-таки, господин Шатов, в чем я прокололась?

Моя прекрасная леди в детстве явно любила детективы и фильмы про шпионов. Мне вдруг стало смешно, но я решил не обижать Кристину смехом. Ей и так нелегко, и она все-таки женщина.

– Когда вы ехали вдоль поля, выискивая место, где спрятать тело сестры, вы раздавили кошку.

Она удивленно приподняла брови, хотела спросить еще что-то, но бодрые юноши в форме предельно корректно, но твердо выволокли ее в коридор.

Чуть менее печальный таможенник красивым, бисерным, почти преподавательским почерком записал в протокол сведения о бородатом наркологе и протянул мне показания на подпись, видимо, раздумывая, можно ли отпустить меня или стоит передать в комиссариат. В этот момент зазвонил телефон, он поднял трубку и через секунду протянул ее мне.

– Ответственный по межпланетным связям суверенного города Чигги Бенедикт Воер, – представился по-русски твердый и хорошо поставленный голос.

– Очень приятно, господин Воер, – честно ответил я, поскольку со всей этой историей ужасно соскучился по родному великому и могучему. Русская речь ласкала слух даже тогда, когда звучала из уст грианца, хоть и невидимого. И по тому, что говорили по-русски, я сразу понял, откуда дует ветер.

– Учитывая интерес к вам со стороны корпорации «Нако», вам не будет предъявлено обвинение. Но я хотел бы попросить, господин Шатов, чтобы эта история не попала на страницы вашего журнала, – тихо, но очень убедительно обратился невидимый спаситель.

– Естественно, – честно и благородно заверил я, прекрасно зная, что статьи на самом деле не будет. Я уже давно собирался писать книгу, но господину министру об этом знать необязательно.

– Значит, я могу быть спокоен? – не меня железной интонации, поинтересовался голос.

– Абсолютно.

* * *

Когда я наконец вышел из космопорта, первым, что бросилось мне в глаза, были зеленоватые лица Юлия и Хлои. Бедняги три с половиной часа простояли перед центральным входом и, несмотря на заметную утреннюю прохладу, не стали прятаться в машине. Хлоя окончательно разорвала тонкие ремешки сумочки, которые свисали теперь мелкими лохмотьями. Однако она не переставала теревить несчастные тесемки.

Такое милое беспокойство за меня трогало до глубины души. Похоже, это все-таки старость. Я умильно посмотрел на позеленевшую от холода молодежь и, хлопнув по плечу Юла, со всей возможной безмятежностью спросил:

– Пиво или кофе?

* * *

Неделя закрытых судебных слушаний, и мадам Горчакова была признана виновной по самым разнообразным пунктам, о многих из которых я даже не имел понятия. Я однозначно люблю Гриану с ее добрыми человечками и злыми судами. Правда, гражданку Земли все равно будут судить заново на родной планете. Ну что ж, эти ужасы она точно заслужила. Хотя бы за то, что я уже три дня назад должен был сидеть в родной редакции и стучать на компьютере очередную журнальную нетленку. А я смотрел на сморщенную от любопытства Марту, которой из злорадного удовольствия наотрез отказывался рассказывать подробности дела, и на девушку моей мечты, которой этот Гоблин-Совершенство Юлий сделал предложение, и она его приняла. В общем, меня обложили со всех сторон. И наконец-то все закончилось. У меня забронирован билет на рейс Гриана – Земля, и я больше не буду никому-никому рассказывать об этом деле...

Да. Вот так, бывало, размечтаешься, развесишь сам себе на ушах радужную лапшу, но старушка судьба явится и так въедет тебе в челюсть, что макароны осыплются, как прошлогодняя листва. В роли судьбы вновь выступила моя любимая Машка, она же самодержец одной восьмой части Грианы Марь Ванна. Но когда раздался первый звонок моего кома, я еще не знал, на что иду, поднимая трубку.

– Привет, сапер журнального фронта. – Голос у Машки был радостный, как всегда, когда она собиралась выколачивать долги. – Я жду тебя вечером в шесть часов.

– Зачем? – уныло проговорил я, почти уверенный в том, что знаю ответ на этот вопрос.

– Не говори глупостей, знаешь и не отвертись. – В ее веселом щебете прорезались начальнические нотки. – Думаешь, я за красивые глаза вытащила тебя за хвост из этого дела? Так что не дури и приходи. У меня пара свободных часов. Можем встретиться.

– Где? – решительно отрезал я.

Ее это ужасно развеселило. В трубке зафыркало.

– Узнаю гусара, – засмеялась она, – у меня, конечно. В моих апартаментах с трехкомнатной кроватью, как ты обозвал мою девичью квартирку в прошлый раз.

Я отчетливо помнил этот райский уголок. Еще с моего прошлого прилета на Гриану, когда я так и не смог повидать планету. Я прилетел. Машка встретила меня на посадочной полосе, в каком-то невероятном автомобиле доставила в свою невероятных размеров квартиру, мы выпили по бокалу мартини, после чего мне позвонил Михалыч, и через полчаса я уже летел обратно на Землю.

Что ж, если уж снова повторять всю историю с самого начала, то хотя бы в приятной дружеской обстановке. Смирившись с судьбой, я позвонил в космопорт и отменил бронирование.

* * *

– И все-таки, когда ты понял, что она убила сестру? – Машка, подобрав под себя ноги, сидела на диванчике, обитом красным китайским шелком.

– Как только увидел труп. – Я напустил на себя самодовольный вид. Машкин вечер был шансом откровенно похвастаться и не выглядеть при этом дураком, и я решил не теряться и наслаждался моментом.

– Врешь, – усмехнулась Маха, закуривая тонкую сигаретку.

– Маш, ты же меня знаешь... – Я был само очарование, но она все-таки не отвела глаза. Начальник есть начальник.

– Знаю, потому и говорю. Так уж и как только?

Я одарил ее моей самой многозначительной улыбкой.

– Маш, мужчины душат женщин, но ни один мужчина не стал бы душить женщину шарфиком в тон платю.

Машка выпустила колечко дыма и снова затянулась.

– Это был собственный шарф жертвы?

– В том-то и дело, что нет. Шарф убийцы. Но вот в чем ты права, так в том, что об этом я узнал только на суде.

Мы оба засмеялись, и мне стало хорошо. Почти так же, как в школе, когда мы с Махой украли пачку сигарет у физкультурника, укурили и сожгли в женском туалете классный журнал.

– На самом деле все оказалось просто. Жила-была дама с большим комплексом неполноценности – от нее отказалась мать, потому что, будучи землянкой, родила дочку-бищину. Бедняжка жила на Гриане, создала семью, появились дети. Но однажды попала в аварию, получила тяжелые травмы, и добрые грианские лекари, мало чем отличающиеся от земных, посадили даму на наркотики. Нашу даму, а именно Еву Райс, начали мучить навязчивые идеи насчет матери, восстановления семьи, прошлого и того, «как и что было бы, если бы», и она, пользуясь затяжным больничным, решила слетать на Землю. Она жаждала познакомиться с матерью, но та отдыхала с мужем в теплых краях. Зато дома находилась сестричка Кристина. И каково же было удивление обеих, и грианки Евы, и землянки Кристины, когда они обнаружили, что похожи как две капли воды, только Ева, как и положено бищине, была полненькой.

Кристина поначалу изобразила сестринские чувства просто из любопытства, но потом у нее появился план. Она уже давно знала, что такое наркотики и какие деньги за них платят. А выяснив, что Еву лечат средством, о котором земные нарики могут только мечтать, решила использовать шанс, подаренный судьбой. Кристина переехала на Гриану, снабжала сестру земными наркотиками, а по ее рецептам получала местный. Ева была на седьмом небе от счастья – она не встретила матери, зато обрела сестру. Она возненавидела Гриану и воспылала любовью к Земле, бросила семью, начала носить земную одежду и употреблять земную наркоту. А Кри-

стина тем временем через нужных людей пошила костюм бишины, в котором собиралась по документам сестры перевозить наркотики, полученные по рецептам все той же сестры, которую, кстати говоря, мадам Горчакова-младшая считала уродом и нелюдем.

Кристина успела всего пару раз слетать на Землю в нашпигованном наркотиками костюме, когда Ева догадалась об истинной подоплеке их сестринских отношений. Завязалась ссора. Ева исполосовала столовым ножом костюм для перевозки наркоты, а Кристина задушила Еву, вывезла за город и собственноручно закопала в поле. Однако по дороге задавила кошку, брэнное тело которой и углядела из окна нашей кухни бдительная Марта. Вот и весь рассказ. – Я поставил бокал на столик и посмотрел на Машку, но она уставилась в окно, точнее, в аквариум, заменявший окно, где окружающий мир был едва различим за полосами водорослей и темными силуэтами рыб. – Теперь ты обо всем знаешь из первых рук, и если ты меня сейчас выгонишь, то сэкономишь пол-литра мартини.

– Да ладно, тебе столько не выпить. – Она наконец повернулась ко мне, и глаза ее стали осмысленными и живыми. – Только скажи мне еще одну вещь. Как ты догадался, что Кристина была похожа на Еву?

– У мамы Горчаковой на камине стоят фотографии дочерей. Я увеличил кадр с видеоразговора. А в космопорте, чтобы не ошибиться, выслал вперед Хлою, дочь Евы Райс. Хлоя Кристину-Еву узнала, а вот Кристина Хлою нет, даже когда та рассыпала у нее под носом сумочку и принялась собирать, ползая вокруг нее по полу...

Машка снова затянулась, впусив в серый взгляд свинцовую тень усталости, но тотчас спрятала ее и с извечной ехидной усмешкой искоса посмотрела на меня.

– Она произвела на тебя впечатление?

– В какой-то мере... Но ты удачно подослала мне помощника, спасшего мое холостяцкое сердце. Я надеюсь, он вовремя вернулся к своим обязанностям. Я отпустил его на день раньше.

– А куда он денется, твой Юлий. Работает. Правда, способный мальчик?

Она откровенно глумилась надо мной, и я сдался и начал брюзжать, как старая калоша. Ужасно хотелось сказать ей что-нибудь такое, от чего она перестала бы быть начальником и если не потеплела, то хотя бы заплакала.

– Только не говори мне, что это твой новый любовник. Он же тебе в сыновья годится.

– Ну, в какой-то мере так и есть.

Она грустно улыбнулась и, видимо, заметив, как вытянулось мое лицо, добавила:

– Он робот, Ферро, я сама его разрабатывала. Мы с Гретой. Хорошая модель, самая интересная. Хочешь, подарю?

Я долго пялился на нее, пытаюсь понять, шутит или нет. И в конце концов понял, что не шутит.

– Ты хочешь сказать, что и Капитан Раке... то есть Неро – тоже робот?

Марь потушила сигарету в бокале, где оставалось немного коктейля.

– Ну, вообще-то да. Только Неро разработан раньше. Именно в его партии определился первый SAMSUM. А уж от него произошли, если так можно сказать, Юлий и ребята его поколения. Всего девять штук. Физиономию и фигуру каждого я сама рисовала. Натурально получилось, правда? Вот уговаривают поставить «самчиков» на поток. Но мне индивидуальный дизайн как-то ближе.

– Да, не отличишь от живого.

– Да ладно, Ферро, они и есть живые. В них механики-то чуть-чуть. SAMSUM вообще прикольные создания. Super Adaptive Mechanical Self Upgrading Man. И поверь мне, к тебе я послала самого перспективного. Юлий одержим людьми и очень хочет стать похожим на человека. Он столько копается в себе, в прямом и переносном смысле, что боюсь, если я теперь загляну в него, то не узнаю собственной работы. И насколько я могла понять, ты ему предоставил хороший материал для работы над собой. А теперь он еще и женится.

– Да, нетрадиционная получилась пара – землянка, которая считает себя грианкой, и робот, который считает себя человеком...

– Ты все еще не освоился с мыслью, что парнишка трех месяцев от роду с чипом вместо мозгов увел у тебя девушку твоей мечты.

– Маш, я старый холостяк и не желаю меняться, а если и женюсь, то только лет через тридцать и только на тебе ради твоей царской пенсии. Если, конечно, ты не разлюбишь меня.

Я присел на краешек дивана, на котором она сидела, и попытался обнять ее за талию и поцеловать. Но Машер глянула на меня василиском, потом смягчилась и, отведя взгляд, просто и грустно сказала:

– По-моему, если человек доходит до того, что должен был сделать в пятнадцать, только к тридцати двум, он дурак.

Я встал, надел шляпу и вышел.

* * *

Я еще задержался в тот приезд на Гриане. Перепил на свадьбе Юлия и Хлои до состояния «прощай, завтра», так что проснулся только послезавтра в квартире Гретхен, которая отважно вступила в битву за мою ничтожную жизнь с зеленым чудовищем похмелья, за что была соответственно вознаграждена еще трое суток, которые я, уже вполне здоровый и работоспособный, соблюдал высококласный постельный режим. У меня даже начало понемногу складываться ощущение, что с Грианы я вообще не улечу, но в одно прекрасное утро меня настигло сразу два звонка. Грианский офис «Галактики слухов», располагавшийся на третьем материке, передал мне послание от Михалыча. Молодой женский голос, изредка откашливаясь по цензурным соображениям, зачитал текст радиogramмы, в которой меня срочно просили перестать валять дурака и транспортировать, цитирую, «ленивую заживевшую на чиггийских харчах задницу» в славный город на Неве. Второй звонок был от Магдолы Райс. Милая женщина сообщала, что подарочный унитаз-аквариум, который я в подпитии заказал у нее для мамы, готов.

Следующим утром пятнадцатого числа весеннего месяца марта из дверей питерского космопорта в бежевом плаще на кофейной подкладке легкой холостячкой походкой вышел единственный сын Саломеи, журналист Носферату Шатов.

Здравствуй, Земля!

Часть 2

Собачье дело

Вся эта нелепая история началась за завтраком. Это, в общем-то, непреложный закон для историй. За ужином начинаются темные истории, за обедом – жаркие, а за завтраком именно нелепые, поскольку кто станет хвастать своим умом, если у него во рту не было еще ни капли кофе. Да и какой могла оказаться эта история, если завтрак, за которым она началась, – это завтрак моей семьи.

Во главе стола восседал, как полагается, Хозяин. А главнокомандующим курятника вот уже тридцать два года, с самого момента бегства предыдущего хозяина – моего драгоценного папы, являюсь я, Ферро Шатов. Поскольку мой не обделенный разумом родитель ретировался, бросив штурвал семейного брига, совсем незадолго до моего рождения, я, старший сын старшего чада покойного Ясона Шатова, с первым вздохом и криком новорожденного взвалил на плечи неподъемный груз обязанностей главы небольшого, но чрезвычайно беспокойного семейства, не получив при этом никаких особенных прав.

За исключением маминого нового любовника Николаоса, который, к счастью, улетел в Афины к приболевшей тетке Медее, я был самым молодым представителем семейства. Именно поэтому, несмотря на тридцать два года, звездную журналистскую карьеру и несколько седых волос на висках, почитался не полновластным тираном, а скорее инфантом, постоянно наставляемым на истинный путь старшими, хоть и менее титулованными, родственниками.

Особенно на этом поприще преуспел дядя Катя...

Стоп. Придется объясняться. Как всегда, когда приходится знакомить постороннего человека с моей семьей. Именно из-за этой процедуры я до сих пор не женат. Не знаю такого человека, который в здравом уме и по своей воле обрек бы любимую женщину на подобное испытание.

Так вот, история моей семьи началась значительно раньше этого злополучного завтрака, в тот самый день, когда моего прапрапрадеда, одаренного крестьянского сына Якова Шатова, отправили учиться в Санкт-Петербург.

Предок так рьяно засел за книги, что был нежно любим и уважаем преподавателями и однокашниками. Но некрепкая крестьянская психика дала трещину, и Яша Шатов, женившись и родив сына, назвал отпрыска Аристотелем. На этом неугомонный дед не успокоился и потребовал от сына дать торжественное обещание впредь называть потомков великого рода Шатовых лишь столь же великими именами. Как послушный сын, Ристя Шатов тщательно отбирал имена для своих, увы, многочисленных детей. Его второй сын, мой славный прадед, получил звучное имя Ахилл, а в семье был попросту зван Хилей. У Хили Шатова со временем появился сын – мой дед Ясон Ахиллесович, в свою очередь продолживший семейную традицию и, видимо, в моменты особенного душевного смятения назвавший сыновей Катонем и Брутом, а старшую дочь, мою маман, Саломеей.

Слава богу, великий род Шатовых постепенно иссякал, мои дядюшки до сих пор не были женаты, и свою лепту в дурацкую традицию внесла только моя мама, назвавшая меня в честь моего отца, по ее словам, кровопийцы, чудовища и упыря, поломавшего ее жизнь. Так я получил свое звучное имя Носферату.

Не устану повторять, что в родственники нам даются люди, которых мы и под дулом пистолета не назвали бы друзьями. Провести в одной комнате больше пятнадцати минут без ссоры почиталось для членов моей семьи величайшим чудом. Но за завтраком – самым коротким приемом пищи – мы всегда собирались вместе. Осколки былого величия полоумного предка – мама, дядя Катя, дядя Брутя и я. Марта, домработница, никогда не завтракала с нами,

поскольку, несмотря на то что служила у меня с незапамятных времен, не считала себя достойной семейного завтрака, а по правде говоря, очень не ладила с моей родительницей.

Под столом, положив голову на домашние туфли дяди Брути, дремал Экзи. По своему фокстерьерскому паспорту звали его Экклезиаст Зимней идиллии. Подлый комок шерсти был седьмым в помете из восьми щенков. По правилам питомника всю великолепную восьмерку следовало назвать на букву «э». К моменту поименования нашего Экзи фантазия заводчиков Зимней идиллии несколько истощилась и приняла странные, даже пугающие формы. Братьев и сестер Экзи звали Эллада, Эос, Электрон, Эрос, Эдип, Эзоп и Эхблин. Имя Экклезиаст, как – во избежание религиозных недоразумений – объяснил работник питомника, ни в коем случае не имело отношения к теологии, а переводилось с древнегреческого как «брехун перед большой толпой», что, собственно, идеально соответствовало характеру и манерам пушистого паршивца. Дядя Брутя называл фокстерьера сокращенно Экзи, что я расшифровывал как «эта каверзная задница излюбря», а дядя Катя элегантно трактовал как «экзитус леталис». Несмотря на такую кличку, пес чувствовал себя хорошо везде, где появлялся. А в последние пару лет гадкий комок белых кудрей жил, как говорится, на два дома. Из-за постоянных межпланетных командировок дядя Брутя то и дело отсутствовал не только в городе, но и на родной планете, а печального пасынка развеселой породы фокстерьеров подбрасывал моей добросердечной маман. Саломея Ясоновна пала под напором песьего очарования и позволила гаденышу проживать у нас. И мне осталось только смириться с тем, что в доме стало два неумных, жизнерадостных и пакостных существа, которым все позволено. До этого здесь проживал только один такой – ваш покорный слуга.

В это утро все было как обычно. Мама ругала погоду, братьев, меня, Марту, политику, спорт и во всем этом, как всегда, ничего не понимала. Единственная сфера, в которой моей маман почти не было равных, называлась громким, поэтичным и не слишком конкретным словосочетанием «высокое искусство». Объяснить простым смертным вроде меня, что же такое «подлинно высокое искусство», ни моя величавая мать, ни ее многочисленные друзья-искусствоведы не находили нужным. Зато все, в чем они не разбиралась, мгновенно клеймилось термином «не-искусство» и безжалостно, как недостойное внимания, сбрасывалось с корабля современности в темную пучину «потребы масс». Вот и сейчас с этой непостижимой, прямо-таки олимпийской высоты Саломея Шатова порицала футбол, предлагая питать наши души не потными мужиками в трусах и гольфах, а нетленными произведениями какого-то недавно открытого ею на задворках вселенной ваятеля с неблагозвучным именем Гокхэ. Интересным в ее рассказе было лишь то, что это юное дарование Мэё Гокхэ помимо приступов «высокого искусства» страдал необычной формой шизофрении – не имел совершенно никакой личности. И потому малолетний гений под руководством пары опытных психиатров обложился книгами и занялся самоидентификацией.

– Вот уж действительно self-mademan, – весело согласился дядя Катя и церемонно положил в рот кусочек ветчины.

Меня этот ваятель заинтересовал всерьез. С самого возвращения с Грианы и публикации «Дороги из красного песка» я находился в творческом поиске сюжета, достойного моего журналистского пера, и ненормальный скульптор и живописец из Риммии казался подходящей мухой, из которой опытный стеклодув вроде меня за пару минут изготовит полновесного и высокохудожественного слона.

– Мам, – обратился я. Привыкшая выступать в режиме монолога маман на мгновение замолчала и неизящно плюхнула котлету на край тарелки. – Ведь этот Мэё Гокхэ, наверное, и книг не читает, и фильмов не смотрит?

– Почему? – удивился дядя Брутя, до этого не особенно вслушивавшийся в слова сестры.

– Ему ж нельзя, при таком-то диагнозе, – ответил я, сделав страшное и значительное лицо. – Ладно, если он старых мультиков посмотрится и вообразит себя Белоснежкой или оле-

ненком Бемби. А если что-нибудь новое? «Полночную резню» Мэта Корстана решит оценить? Он что потом, схватит бензопилу и на улицы пойдет?

– О, Ферро, – вступилась за работника кисти и резца мама. – Я же несколько раз повторила тебе: мальчик – гений! Он создал для себя совершенно потрясающее приспособление: все необходимые качества его личности вытатуированы у него на запястье около наручных часов. Это же уникальная методика. Его врачи говорили мне, что четыре года тестировали разные варианты надписи – и в конце концов всего две или три недели назад нашли то, что нужно, – краткое, но емкое описание личности Мэё.

– И что, – произнес я с заметным сарказмом, – как только ему хочется схватиться за бензопилу, он думает: «Подходящий ли час для кровавой бани?» – смотрит на часы и снова становится самим собой?

– Действительно, Саля, – встал на мою сторону дядя Брутя, – зачем ему эта надпись – на запястье? Я понимаю, на ладони. Ладонь часто попадает в поле зрения, но какими тренировками можно заставить себя постоянно посматривать на часы? Или у него на почве шизофрении имеется какая-нибудь особенная хронологическая паранойя?

– Никакая не паранойя, – обиделась за юного мастера мама, – просто гипноз. Ему это внушили. Поставили подсознательную программу. И теперь он каждые десять минут смотрит на часы...

– ...и заново подзагружает собственную личность! – договорил за нее я, не в силах сдерживать восхищения отличным тризовским решением не самой простой задачи. – Эх, мутер, написать, что ли, про твоего юного гения. На безрыбье, как говорится...

– Вот именно, Ферро, безрыбье, – громко воскликнула мама, всплескивая руками, что всегда означало неожиданный поворот беседы градусов этак на сто восемьдесят. – Я вынуждена попросить тебя об одной услуге...

Я сделал внимательные понимающие глаза всемирно известного психотерапевта, специализирующегося на буйнопомешанных. Кусочек хлеба соскользнул со скатерти и был на лету проглочен Экзи. Мама сделала вид, что не заметила этого безобразия, не отводя от меня молящего взгляда, намазала бутерброд паштетом и будто бы ненароком уронила под стол. Последовал короткий влажный чавк, сопровождаемый дробным стуком молотящего по полу хвоста, и Экзи снова замер в ожидании подачи. Я, совершенно невзначай, задел вилку, на которую аккуратный дядя Катя пристроил пробку от винной бутылки. Он выпивал каждое утро пятьдесят граммов красного вина для чистоты сосудов и еще пятьдесят для очистки помыслов. Вилка сработала как катапульта, пробка взмыла над моим плечом, и через мгновение я услышал стремительный шорох и самый настоящий зубовой скрежет – Экзи цапнул пробку. Попытался прожевать, обиженно сопя, бросил и горестной рысцой потрусил на свою подушку, откуда принялся сверлить мне спину суровым инквизиторским взглядом.

– Ты совсем избаловала его, Саля? – наставительно начал дядя Катя.

– Это не мой пес, – парировала мама. – Пусть Брут с ним строжничает, а я буду баловать, сколько захочу. Ферро, не пытайся меня отвлечь! И отчего тебе вечно нужно изводить бедняжку? – Она вновь обратила свой взгляд ко мне, до краев наполнив его горькой укоризной.

– Я имел в виду не собаку, – буркнул дядя Катя, но мама сделала вид, что не расслышала.

– А я не извожу, а воспитываю, – отозвался я кротко. – Растет бобик как трава, безотцовщина. Дядя Брутя в командировках. Вот и разболтался паршивец, жрет все, что на пол упадет.

– Не долетает, – философски заметил дядя Брутя.

– Макаренко, – фыркнул дядя Катя.

Экзи, почуяв, что разговор о нем, застучал хвостом по бортику корзинки и завозился на своей подушке, но мама не могла позволить кому бы то ни было сбить себя с намеченной цели.

– Умоляю, Носферату, милый, убери у меня из ванной свой подарок, – молитвенно произнесла она. Как я и предполагал, рыбная тема настолько всколыхнула матушкин внутрен-

ний мир, что в ее серебристо-голубых глазах в тот момент разбежались концентрические круги сильного волнения.

Я прекрасно понимал, о чем речь, но упорно смотрел на нее с глубокомысленно-тупым выражением лица. Мама догадалась, что вместо чеховской паузы придется все-таки облечь просьбу в слова, и продолжила:

– Я не могу больше видеть этот ужасный грианский унитаз. Я не привыкла к тому, что сантехника совмещена с аквариумом. – Мама врезалась краем вилки в котлету.

Следует заметить, что восхитительное произведение унитазного искусства, которое я заказал на Гриане для моей родительницы, было не самым экстравагантным из того, на что способны помешанные на аквариумах грианцы, в особенности – чиггийские мастера. В посудине вполне классической для Земли формы среди десятка крупных синих водорослей плавало светлоглазое чудовище с желто-зелеными, как перья волнистого попугайчика, плавниками и кургузым хвостом цвета бирюзы.

– Но, мамочка, это же не только экзотика, это эстетика. Ты сидишь, думаешь о вечном, а под тобой плавают рыбы... – ележно произнес я, поскольку обожаю поддразнивать мою маман. В конце концов, все равно все делалось исключительно так, как повелевала королева-мать. Должна же у мужчин нашего семейства быть хоть какая-то отдушина в жизни.

И этой нечастой, но сладостной данью родственной мести являлись мои подначки и ловушки, в которые Саломея Ясоновна Шатова неизменно попадалась. Вот и сейчас она свела брови к переносице, метнула в меня острый орлиный взгляд и повелительно взмахнула вилкой:

– Вот именно, подо мной, только не рыбы, а рыба. Меня преследует ощущение, что она заглядывает непосредственно мне в кишечник, да и ей, знаешь ли, наверняка не нравится, когда кто-то садится голой задницей ей на голову, да еще и в туалет ходит. Надеюсь, это животное хотя бы не разумно?

– Да ладно, мам, – примирительно заметил я. – У рыбки такая же работа, как и у всех остальных. Мне вот, например, Михалыч точно так же ежедневно садится задницей на голову, а то, что ты выкладываешь перед своей рыбкой, по сравнению с тем, что делает при этом он, яблочное повидло. Вот и дядя Катя скажет. У них в деканате тоже одна такая задница сидит...

– Оставь, Ферро. – Дядя Катя, по паспорту Катон Ясонович Шатов, профессор кафедры межпланетных языков Оксфордского университета, не переносил подобных разговоров. Он был самым интеллигентным из нашей семейки и старался пресекать за едой рассуждения на туалетную тему. К тому же замдекана факультета Георгий Соломонович Ергаев был его больной темой и больным местом, вместе взятыми.

– Задница, она для того и создана, чтобы сидеть. Вот он и сидит... в деканате, а я стою за кафедрой, где и есть мое законное место, – возмутился он. – И перестаньте называть меня Катей. Это хоть и царственное, но все-таки женское имя – не единственное производное от имени Катон.

Дядя Катя, по секрету говоря, и в Оксфорд устроился работать исключительно потому, что его имя Катон вызывало у студентов гораздо меньший интерес, чем фамилия Шатов.

– Ты меня, конечно, извини, Кать, но уменьшительно-ласкательных русскоязычных имен, производных от Катона, только Катя и Тоня, но Тоня – более простонародное... на мой взгляд. – Дядя Брутя уже прикончил свой английский завтрак из вареного яйца, овсянки и кофе и теперь с наслаждением, медленно и вкусно затягиваясь, курил трубку. До шарообразного состояния сытый Экзи снова переместился под стол и теперь у ног хозяина репетировал сиротливый вид.

Дядя Катя надулся, как вынутая из аквариума рыба-еж, и попросил в таком случае вообще не уменьшать и не ласкать его имени, а то его уже и так уменьшают и ласкают кому не лень.

Завтрак угрожал превратиться в побоище, когда дядя Брутя, единственный Шатов, пошедший по дипломатической линии, разрядил обстановку фразой, с которой и началась вся эта история:

– Ферро, ты сегодня очень занят?

– Нет, – обрадованно ответил я, надеясь, что у дяди есть для меня неотложное дело и можно будет покинуть столовую и заняться наконец чем-то интересным.

– Тогда у меня к тебе большая просьба. Ты не мог бы сейчас отправиться со мной в камеру хранения космопорта? – Дядя Брутя, скосив глаза к переносице, с нежностью посмотрел на свою трубку и нехотя извлек ее из-под усов. – Выходим через одиннадцать минут. Готов?

– Как всегда, господин дипломат, только честно пообещайте мне сенсацию...

– Мало того, – с достоинством ответил мой дядюшка, – я не только пообещаю тебе сенсацию, но и возьму с тебя честное слово хранить все в тайне.

Я изобразил на лице досадливое недовольство, но с внутренней радостью взбежал наверх одеваться.

* * *

В любимом городе буйствовало лето. Влажный душный ветерок едва сочился в форточку, поэтому я решил не франтиться и остановился на костюме потертого рубахи-парня: льняной бежевой паре, белой батистовой рубашке, кремовом шейном платке и соломенной шляпе дачного вида.

Дядя, узрев меня, только едва заметно поднял брови, и усы его чуть сдвинулись в сторону. По всей видимости, под ними на какое-то мгновение промелькнула улыбка. Экзи вскочил и завертелся, готовый к прогулке. Я хотел было попросить дядю оставить поганца дома, но смягчился. Экзи прочел это по моим глазам и благодарно топнул обеими передними лапами мне по брюкам. На его счастье, лапы были чистые.

Мы вышли на улицу, и как только завернули за угол, я решил брать быка за рога и не ждать, пока мой дипломатический дядюшка расскажет все сам.

– Куда идем?

– В космопорт. – Некоторое время покоившаяся в нагрудном кармане летнего пальто недокуренная утренняя трубка вернулась на прежнее место где-то в зарослях между волевым носом и не менее волевым подбородком моего невозмутимого родственника.

– Кого встречаем?

– Саломарца, – пробормотал дядя и внимательно посмотрел на меня, наслаждаясь произведенным эффектом. И было чем наслаждаться. Моя изумленная физиономия стояла первой полосы любой еженедельной газетенки.

С Саломарой безуспешно пытались наладить дипломатические отношения уже семь лет, и за это время не продвинулись ни на шаг. И вот саломарский дипломат прилетает на Землю. Я увижу его первым на этой планете.

– Колись, как ты это сделал? – Я уставился на Брута Шатова, как на призрак Христофора Колумба.

– Понимаешь ли, мой мальчик, я кое с кем договорился. Сначала они позволили восьми нашим ученым приехать к ним на дружескую встречу, а два дня назад пришло послание о том, что через неделю к нам прибывает дипломатическая миссия. Да, эти бедняги несколько диковаты и привыкли действовать нахрапом. Им и в голову не приходит, что подобные визиты готовятся долго. Но не обратно же их отправлять? Мы... договорились. А после я получил на личную почту письмо, что за пару дней до прибытия дипкорпуса прилетит, так сказать, на разведку, консул Раранна. Его-то мы и встречаем. Однако загвоздка в том, что саломарцы – существа подводные. Они передвигаются между планетами исключительно в резервуарах с

жидкостью, в которой живут на своей планете. Этот аквариум с дипломатом мы и обязаны забрать из камеры хранения.

* * *

Я понял, почему дядя решил взять меня с собой. В такой ситуации карманная пресса на вес золота. Поэтому старался не обижаться на «карманный» статус и наслаждаться сенсацией. На данный момент козырей на руках было маловато: отличный сюжет с маньяком, уничтожающим риммианские гобелены, висел на волоске благодаря усилиям одной дамочки-оперативницы из отдела искусств, которой удавалось с потрясающей ловкостью ускользать от общения с прессой; полтора десятка убийств, о которых писали другие газеты, представляли собой наименее интересные бытовые случайности. Я готов был уже слагать оду ненормальному скульптору Гокхэ. Что же удивляться, что дядюшкина новость стала для измученной журналистской души небесной манной.

Саломарская дипломатическая миссия на Земле – это был не просто прорыв. Супермегабомба. Едва ли два десятка человек на Земле представляли себе жизнь на Саломаре, и едва ли сотня-полторы вообще вспоминали о ней без напоминания прессы. А пресса не видела в этой заштатной планетке ничего интересного.

С тех пор как семь лет назад был получен сигнал с Саломары, единственное, чего добились наши господа дипломаты, это ежемесячных торговых полетов на Саломару и обратно грузовых судов, пилотируемых роботами, которые забирали с Саломары чистое железо и еще кое-какие сверхсекретные и очень полезные Земле ископаемые. А вот что саломарцы получали взамен, знали только правительства земных стран Космосоюза, а точнее – их министры торговли.

Нет, я не хочу сказать, что никто на Земле не догадывался о существовании Саломары. Грузы-то приходили. Но те из землян, кто помнил о Саломаре, с подачи властей предрешающих считали, что она абсолютно совершенно вообще необитаема.

Так, большой комок полезных ископаемых в бескрайнем космосе. Роботы добывают, роботы грузят, роботы перевозят и разгружают.

И вот саломарец на Земле!

Я подумал, что, если все пройдет удачно и дядя Брутя позволит мне опубликовать фотографии и материал об этой первой встрече, – я могу месяц не работать, прогуливая гонорар за статью, и еще три месяца раздавать автографы.

Предаваясь радужным мечтам, я бодро шагал рядом с дядей, бессознательно стараясь идти с ним в ногу. Заметил это и постарался перестроиться. В ногах запутался неумный Экзи, обернув мне лодыжки поводком. На ходу освободиться долго не получалось. А когда я это все же осуществил, то перед моими глазами были серые ступеньки питерского космопорта. Мы обошли центральное здание справа и свернули к ангару, где дожидались получателя грузы, прибывшие беспилотным транспортом. Дядя предъявил удостоверение. Служащий, пошлепав по клавишам толстыми и короткими пальцами, нашел в базе данных номер саломарского бокса, несколько раз взмахнул руками, объясняя дорогу, и нажал на кнопку поднятия малой двери. Экзи тотчас рванул вперед «бабки».

– Вот объясни мне, зачем мы взяли с собой этого поганца, – спросил я, со страдальческим лицом косясь на пса. – А если он твоего дипломата укусит?

– Не укусит, – невозмутимо отозвался дядя. – Дипломат в аквариуме. И даже мозгов Экзи хватит, чтобы понять выгоды спокойного поведения.

– А если он будет меня раздражать, ты разрешаешь бросить его в аквариум к высокому гостю? – поинтересовался я. Дядя не ответил, а Экзи, будто поняв мои слова, присмирел и весь путь до бокса трусил возле дядиной ноги, стараясь не попадаться под мои.

* * *

Открытые стеллажи были завалены самыми разными грузами, размеры которых варьировались от огромного контейнера с горной породой в проходе между стеллажами до корзинки под пекинеса на верхней полке.

Мы прошли между пронумерованными чемоданами и тюками, прибывшими с Аммера. Саломарские грузы должны были начаться через два пролета.

По мере приближения к нужному боксу ноздри начинали улавливать тошнотворный запах. Экси начал подозрительно фыркать и чихать. Когда же мы подошли к большому квадратному аквариуму, запах сделался невыносимым. В мутной жидкости плавало розоватое чудовище, одновременно похожее на осьминога и паука. Глаза чудовища заволокла матовая пленка.

– Ты, конечно, можешь мне не верить, – невесело заметил я, – но твой дипломат протух...

Лицо дяди побелело, а потом позеленело и вытянулось, как морда нильского крокодила. Саломарский гость был необратимо мертв, о чем свидетельствовал не только запах и его нездоровый вид, но и метка на аквариуме. Он прибыл четыре дня назад...

– Похоже, моя почта опоздала. – Дядя Брутя, казалось, окончательно овладел собой, и трубка вернулась на законное место. Но по напряженно сжатым челюстям Брута Ясоновича было заметно, с каким трудом дается ему это внешнее спокойствие.

– Да уж, – покорно согласился я, – к несчастью для этого склизкого джентльмена.

– У тебя есть идеи? – по-прежнему стараясь казаться невозмутимым, поинтересовался дядя.

– Целых три: сделать вид, что дипломат вообще не долетел до Земли, оставить все как есть и смыться или доказать, что дипломат умер своей смертью от сердечного приступа. Кстати, у них сердце-то есть?

– Откуда я знаю, – ответил дядя, почти не разжимая зубов, сомкнутых на чубуке трубки. – Наверное, есть. Но я, по правде говоря, предпочитаю первую идею – ты можешь сделать так, чтобы все подумали, что наш инопланетный друг вовсе не прилетал на Землю?

– Есть два варианта – отправить брненное тело обратно на родину либо так хорошо спрятать, чтобы никому даже в голову не могло прийти, что его зарыли в наш геоид.

– Пожалуй, второе, – веско проговорил дядя. – Можешь начинать думать, как это сделать.

– Скажи мне, Брут, только честно. На Саломаре никто-никто не знает, что он полетел к нам?

– Насколько я знаю, абсолютно.

– Тогда скажи мне, откуда же об этом узнал ты?

Дядя Брутя немного сконфузился и отвел глаза:

– По правде говоря, он сам прислал мне зашифрованное сообщение. Мы договорились о кодах во время моего визита. Не понимаю, как могла произойти ошибка? Может быть, я что-то напутал при расшифровке?

Дядя растерянно потер переносицу, что-то припоминая, но потом отрицательно мотнул головой:

– Нет, этого не может быть. Я не мог так ошибиться. А может, и сам консул что-нибудь не так зашифровал. Во время нашей личной встречи мне показалось, что он несколько, я бы даже сказал, существенно туповат. Но, возможно, у них другие представления о качествах, необходимых в дипломатической работе... Ферро, ты просто обязан найти выход!

В голосе дяди послышались панические нотки. Я покорно полез на стеклянный ящик с тухлым дипломатом в надежде на то, что где-то на его стенках обнаружатся ценные идеи или, на худой конец, что спасительная мысль явится мне в голову, когда я с этого ящика навернусь.

Честно говоря, я еще в школе заметил, что бездыханные тушки представителей нашей, да и не нашей, фауны не вызывают в моей душе сострадательного отклика. Как только живой организм переставал подавать признаки одушевленности, мое подсознание, возможно, следуя какому-то древнему, даже первобытному инстинкту, автоматически переводило его в разряд «добыча». То есть то, что можно освежевать, разделать, скушать, посолить на случай холодов... И еще длинный список важных неолитических действий и состояний, в котором, однако, начисто отсутствуют сострадание и жалость. Вот и наш саломарский гость не вызывал в моей черной журналистской душонке ничего, кроме досады. Вполне вероятно, что некогда дражайший консул действительно был разумным существом. Однако, к сожалению, знакомство наше состоялось в то несчастливое для него время, когда разум уже покинул брненное тело осьминога-паука вместе с признаками жизни. Теперь Раранна представлял собой лишь грудку импортного, в частности – саломарского, мяса. Которое, как подсказывал мне нюх и древний инстинкт предков, к засолке на зиму совершенно не годилось.

Я взгляделся в мутноватый рассол, стараясь абстрагироваться от запаха и неаппетитного вида несчастного мертвеца и позволить спасительной идее снизойти в мою светлую голову. Эски, что еще мгновение назад скреб когтями по полу, надеясь выбраться из ангара, счел мои упражнения на аквариуме занятыми, уселся, свесив набок голову, и вот уже несколько минут наблюдал за мной.

«Вот ведь морда, – подумалось мне, – и как башка не отвалится так сидеть».

Эски еще ниже склонил голову набок, так что одно ухо съехало ему на глаз. Никогда не подводившая меня «эврика» и в этот раз не заставила себя ждать.

Я откинул крышку аквариума и достал из кармана перочинный нож. Потом нацепил любимые синие латексные перчатки – в кармане любой моей одежды всегда имелась дежурная пара. Если уж по долгу профессии приходится копаться в грязном белье, лучше производить необходимые манипуляции защищенными руками.

– Что ты собираешься делать? – поинтересовался родственник, осторожно погружая драгоценную трубку в карман летнего пальто, что означало его полную готовность оказать мне посильную помощь.

– Я собираюсь отрезать твоему дипломату голову, – с раздражением сказал я, ослабляя узел на шейном платке и плотоядно примериваясь к шее чудовищного инопланетного спрута. Имидж прожженного газетного волка требовал даже при такой тухлой игре сохранять соответствующую мину, и я проглотил желание спрыгнуть с аквариума и смыться.

– Зачем? – настороженно поинтересовался дядя.

– Эски скормлю, – бросил я, изо всех сил пытаюсь выудить жертву из ее тухлого бульона и не испачкаться.

– Ферро, как ты можешь?! В такой момент... – Дядя горестно закатил глаза, что не помешало ему инстинктивно удержать меня за ногу, когда я, поскользнувшись, едва не нырнул к дипломату.

– Без головы он будет похож не на морского паука, – жалость к родственнику взяла верх, и я решил перестать отшучиваться и объяснить свою гениальную идею, – а на очень потрепанного осьминога, если, конечно, я постараюсь и отпилю его тыкву максимально аккуратно. Потом ты позовешь служителя космопорта и слезно пожалуешься ему, что твой ручной осьминог Зигги не выдержал долгой дороги домой и скончался в багажном отсеке, но ты очень хотел бы похоронить его не в первой попавшейся канаве, а у себя дома в вишневом саду. Однако, поскольку ты дипломат и твой пост не позволяет давать журналистам повод для зубоскальства, перевезти бранные останки домашнего любимца требуется тайно, о чем ты и просишь вышеупомянутого служителя.

– А ты? – поинтересовался дядя, на мгновение полностью утративший от удивления дипломатическую хватку.

– А я побегу давать в журнал на первую полосу фото твоего дурно пахнущего гостя с подписью «Теперь отношения с Саломарой окончательно испортились»...

Дядя, бледнея, начал заваливаться набок.

– Да ладно, шучу. – Я похлопал дядюшку по плечу, чтобы он, паче чаяния, не потерял сознания, и добавил абсолютно серьезно: – Я положу голову в банку. – Я взял с полки аммерского багажного отделения сельского вида корзину, порылся в ней и подобрал достаточно объемную стеклянную тару, наполненную какой-то инопланетщиной растительного происхождения, по всей видимости, законсервированной на пробу земным родственникам. Я вытряхнул заготовки в угол, куда тотчас бросился Экзи, и потряс банкой перед лицом дяди. – Положу эту бадью в полиэтиленовый пакет, а потом мы с головой поедем к тебе на квартиру и будем ожидать там тебя и твое дипломатическое тело. Пойдет?

Брут Шатов кивнул. Я снова запустил руки в аквариум.

* * *

Отпиливание головы покойного инопланетянина заняло минут десять. Получилось не только аккуратно, но я бы даже сказал, стильно. За это время я совершенно освоился с тем, что он мертв, плохо пахнет, и почти перестал корить себя за то, что дурно обращаюсь с представителем дружественной планеты. Если бы мой подопечный не был разумным существом и лицом дипломатическим, я бы, пожалуй, залил его многоглазую голову спиртиком и оставил себе на память. Судьба сжалилась надо мной и преподнесла более скромный, но от этого не менее загадочный трофей. В самом начале операции по отделению консульского черепа от его же многострадального тела где-то в глубоких складках подбородков Раранны мелькнул украшенный ракушками шнурок. Когда же я отделил голову, прямо мне в руки выпал мешочек, в котором лежал небольшой, размером с игральную кость камень. Гладкий и теплый, как гематит, темно-серый кубик явно был для покойного консула чем-то вроде амулета.

Кто знает, может быть, саломарская штуковина, не удержавшая удачи дипломатической каракатицы, принесет какую-нибудь пользу гуманоидному мне.

Я бросил камень обратно в мешочек, крепче завязал его и сунул в нагрудный карман.

Пропахнув отпиленную голову в горлышко банки, еще немного побарахтался в аквариуме с саломарцем и придал ему вид потрепанного жизнью мертвого осьминога, изрядно изгадив при этом манжеты, которых не спасли верные перчатки. Свою необычную, но отнюдь не халтурную работу я смог детально рассмотреть только на дядиной квартире.

К тому моменту, когда мы с головой, намаявшись в поисках такси, добрались-таки до свежестроенного дипломатического сектора, дядя с телом консула уже давно был дома. Питерский космопорт совсем недавно сменил грузовой колесный транспорт на чудовищные японские вездеходы. Поэтому, пока мы с головой тряслись в душной доисторической, правда, все равно не отечественной колымаге «Ретро-такси», Брут Шатов и его домашние любимцы: покойный и беспокойный – с комфортом добрались до дома, не пролив ни капли из драгоценного аквариума.

На часах был уже полдень, дядя встретил меня на пороге в том же костюме, в котором завтракал. И это могло означать только одно – если уж Брут Шатов не сменил в полдень утреннее на вечернее, он в глубоком нокауте.

– Ферро! – воскликнул он в исключительной шатовской манере, рассекая пальцами воздух. – Я проверил, я несколько раз проверил. Я не ошибался. Раранна приехал на четыре дня раньше срока... Я не могу этого понять, не могу!

Дядя рухнул в кресло. Держу пари, когда все это закончится, он будет умолять меня не рассказывать никому, что я видел Брута Шатова в истерике. Прошло около получаса, прежде чем дядя Брута немного пришел в себя, и у меня появилась возможность поближе рассмотреть

и оценить мою титаническую дизайнерскую работу по превращению саломарского дипломата в осьминога.

Дядя Брутя сидел в кресле и деревянной утаптывалкой тщательно оформлял табак в жерле дневной трубки. Как истинный поклонник классического вида курения, дядя никогда не курил одну и ту же трубку больше одного раза в день. В этом он был и остается неумолимым консерватором. Либеральная же черта его пристрастия заключалась в том, что он предпочитал выкуривать не одну, а три трубки в сутки, как сдержанный человек набивая их не полностью, а на две трети. Как всегда, раскурив трубку с одной спички, дядя откинулся на спинку кресла. А я с видом художника любовался отпиленной головой, то отдаляясь от шедевра, то утыкаясь носом в стекло.

– Ну что ты привязался к нему как банный лист, – недипломатично заявил дядя. – Что нам теперь с ним делать, в унитаз спустить?

– Засорится, – монотонно заверил я, переместив внимание с головы на тело саломарского гостя. – Из твоей квартиры вынести его по частям, не привлекая внимания, раз плюнуть.

– Ну так плюнь и вынеси! – сердито проворчал родственник, начисто запамятавав, что не я его, а он меня втравил в это гнусное дело.

– Не торопись, дядя Бруть, стрижка только начата. Спешу тебя уверить, что я не просто так разглядываю твоего осьминога. У него, уж извини, ничего не попишешь, дырка в голове земного происхождения. Огнестрел. Так что твой инопланетный друг умер быстрее, чем мы думали, и менее мучительно, но где-то или на Саломаре, или на Земле есть кто-то, кто эту дырку в нем сделал. А значит – мы здорово попали...

Дядя вынул изо рта трубку и невесело пожевал губами.

* * *

Первое открытие не было единственным. Я решил тщательно осмотреть тело. Дядя выделил мне для этого занятия широкий обеденный стол, на который я, облачившись за неимением другой защитной одежды в перевернутый задом наперед дождевик, с трудом вывалил из аквариума изрядно пахнущую тушу осьминогоподобного дипломата. Экзи сунулся посмотреть поближе, но был выдворен за дверь.

Дядя Брутя перебрался из кресла в гостиной на антикварный стул в столовой, и дневная фарфоровая трубка перекочевала из-под правого уса под левый.

Дядя мог не переодеться к ужину. Он мог даже, в какой-нибудь чрезмерно драматической ситуации, забыть перед сном завести часы. Единственное, чего ни при каких условиях не мог сделать Брут Шатов, – это перепутать трубки. Днем – только фарфор. Полные, коричневатые, потрескавшиеся, как ствол баобаба, губы под густой кроной усов производили ровные кольца дыма. Дядя Брутя крепился изо всех сил. А может быть, просто от полного отчаяния положился на удачу обласканного судьбой племянника.

Дело было плохо. Дипломат с Саломары, конечно, принял все меры предосторожности: он прибыл на Землю тайком не только от землян, но и от своих сопланетников, в этом сомнений не оставалось. Да и Брута Шатова консул Рананна искренне желал бы не привлекать к этому делу, но кого-то же нужно было подрядить забрать его из камеры хранения и доставить в институт лингвистики.

И тут возникали первые вопросы:

Зачем ему понадобилось заранее и секретно прибывать в институт лингвистики?

Почему дипломат, писавший, что приедет за два дня до официальной миссии, прибыл на четыре дня раньше?

Кто и почему решил покончить с консулом таким отчетливо земным образом?

А в процессе осмотра тела появился еще один вопрос...

– Дядь Бруть. – Я обернулся к дяде и сделал максимально серьезное лицо. – Ты точно знаешь, что саломарцы живут только в жидкости?

– Ну да, – неуверенно ответил дядя, покусывая мундштук трубки. – Я был у них восемь часов. Меня принимал сам консул Ранна и еще двое. Мы общались через стекло: я и переводчик с воздушной стороны, а они в своей среде, в водной. Точнее, в жидкой, поскольку это явно не вода. – Дядя подошел к аквариуму и брезгливо всмотрелся в его содержимое.

– Тогда скажи мне, Брут, почему у этой дипломатической каракатицы, извини, никак не могу привыкнуть, что это до недавнего времени было одушевленным и разумным. Так вот, почему у этого гражданина... – Я ковырнул столовым ножом щупальце дипломата. – Есть отчетливо ороговевшие участки... тела? Мало того, на этих ороговевших участках мелкие царапины. Причем часть царапин, как мне кажется, довольно свежие. Может, он из аквариума пытался выбраться? Или от убийцы отбивался, кто ж его знает?

Дядя приблизился, вынул изо рта трубку и наклонился над распластанным на столе щупальцем.

– И что это означает? – Брови родственника изогнулись от удивления.

– Что наш убийца с ног до головы мокрый? – издевательски ответил я вопросом на вопрос, но дядя не был настроен шутить. – Ладно, – сдался я. – Пока не знаю. Но я полагаю, что узнать необходимо. Ты можешь устроить мне встречу с теми учеными, которые были на Саломаре? Это вообще возможно?

Дядя с абсолютно тараканьим видом пошевелил усами, хмыкнул и отправился в соседнюю комнату, где ожесточенно зашлепал пальцами по кнопкам телефона.

Я, как приличный племянник, решил не подслушивать и позволил дяде самому выхлебать хотя бы пару ложек заваренной им каши.

* * *

На телефонные разговоры понадобилось на удивление много времени – около получаса, и это при том, что обычно дядя Брутя даже с моей бесценной матушкой общается не более тридцати восьми секунд. За это время я:

выкурил оставшиеся у меня три сигареты,

раз пятнадцать выпроваживал просачивающегося в комнату Экзи,

осатанел от этого,

позвонил домой,

вызвал такси, сдал поганца Марте, попросив присмотреть за ним до вечера,

и уже вовсю поглядывал на дядину коллекцию трубочного табака, когда он с возбужденным видом появился в дверях столовой. Адмиральские усы стояли дыбом, а в глазах горела решимость. Потом взгляд дяди остановился на теле саломарского дипломата, непристойно разваленном на обеденном столе. Лицо Брута Шатова искривилось, а нос сморщился, как грецкий орех.

– Сунь это обратно в аквариум, – тихо попросил он, отворачиваясь.

К собственной чести скажу, что я – образцовый племянник. Я покорно взвалил тушу на дождевик и мой безвозвратно испорченный льняной костюм, втайне надеясь, что Марта вновь совершит чудо и сможет его отстирать, и спихнул потерпевшего в резервуар, немного досадую на то, что так и не смог осмотреть тело как следует. Сверху вытряхнул из банки четырехглазую паучью голову.

– Так лучше?

– Угу, – равнодушно согласился дядя и опустился в кресло. – Со всеми учеными увидеться не получится, но двое из них живут здесь, в Питере. С одним я даже смог договориться

о встрече. Профессор Насяев, если тебе это имя о чем-нибудь говорит. Сегодня в два часа... Я надеюсь, ты поедешь со мной?

Мне очень хотелось подбодрить его, поэтому я кивнул.

– Естественно. Или ты полагаешь, что я упусти такую сенсацию?

– Вот только с кем оставить Экзи и... аквариум? – потерянно забормотал дядя, и я в который раз подумал, что выглядит он подозрительно разбитым.

– Не переживай, – подмигнул я как можно веселее. – Монморанси твоего я отправил с Мартой. Единственные страдания, которые ему грозят, – от переедания. А консул уже почитай четыре дня как разучился бегать, так что полежит и подождет нашего возвращения от господина Насяева. Как я понимаю, профессору о нашем пахучем друге ни слова?

Дядя Брутя грустно улыбнулся и слегка кивнул. Видимо, разговор с профессором выглядел для него в тот момент не слишком привлекательной перспективой на вечер.

* * *

В очень скором времени я понял почему.

Мы уже пятнадцать минут медленно варились в своих костюмах в гостиной, а профессор все не удосуживался нас принять. Хотя я имел все основания предполагать, что не так часто к нему в гости заходят дипломаты межпланетного уровня. Светило теоретической и прикладной физики сидел в своем кабинете и неторопливо общался по телефону, и я искренне пожелал ему, чтобы его невидимым собеседником был как минимум президент, а иначе у профессора с этого дня появится еще один враг, причем работающий в известном журнале.

Я уже собирался ответить нетактичностью на нетактичность и закурить, благо уговорил дядю зайти по дороге за сигаретами, но решил перед этим, для успокоения нервов, сосчитать до двадцати. На «пятнадцати» в гостиной появился профессор.

Он вкрадчиво бросился к дядиному креслу.

– Прошу прощения, президент... – полушепотом сообщил он, делая извинительно-слащавую мину. – Насяев, Павел Александрович, очень приятно... Чему обязан? – И он, словно селедку на блюдо, осторожно выложил в воздухе перед дядей сдобную руку.

– Шатов, Брут Ясонович, а это мой племянник, Ферро. – Дядя аккуратно, словно вышеупомянутую селедку, пожал протянутую ему руку и снова убрал ладонь в карман.

– Шатов, Носферату Александрович, – с досадой представился я, предчувствуя, что сейчас будет.

Профессор подпрыгнул как ужаленный, восхищенно всплеснул руками и расплылся в земляничной улыбке.

– Надо же, мы с вами почти тезки, Александровичи. – Он захихикал и, как муха, потер ладошки.

У меня в голове мелькнула радостная мысль: «Неужели...» – но я не успел даже додумать ее, когда профессор продолжил:

– А имя у вас редкое, можно сказать, уникальное. Если, конечно, это не псевдоним. Вы, случаем, не писатель?

– Я журналист, – нехотя ответил я. И это был первый раз в моей жизни, когда говорить правду оказалось труднее, чем соврать. Ужасно не хотелось делать Насяеву подарок, но он уже пребывал в глубоком восторге.

– Ну надо же, очень, очень приятно... – залопотал он, аж приседая от подобострастия, словно я скульптор, которому он только что заказал свой надгробный мемориал. Видимо, решил я, он уже втайне надеется, что я обязательно найду способ, как его обессмертить и приобщить к дивному миру героев литературы.

Профессор снова переключился на дядю, а я воспользовался шансом, чтобы рассмотреть Насяева, ведь это был тот редкий случай, когда человек не понравился мне еще до знакомства.

Такие, как профессор Насяев, образуют особый тип людей, а точнее мужчин, кого женщины в возрасте называют «милым молодым человеком», даже когда ему уже под шестьдесят. И в каком бы обществе он ни вращался, в нем безошибочно определяется врожденный дар ливрейного лакея.

Видимо, профессор определил нас в разряд нужных людей, потому что льнул, как улитка к землянике.

У Пал Саныча Насяева был круглый сократовский лоб, плавно продолжаемый такой же круглой проплешиной, обрамленной венчиком седеющих волос, по-отечески приветливое и ласковое круглое лицо и добрые морщинки вокруг многоопытно прищуренных глаз. Сам он был весь настолько кругл и сдобен, что я со своим лицевым волнорезом, подбородком, похожим на отвесный скальный уступ, и радикально изломанными бровями почувствовал к нему видовую неприязнь.

– Чем могу служить? – поинтересовался профессор, правой рукой дергая колокольчик над диванчиком, на котором мы сидели, а левой извлекая из воздуха пепельницу и нежно подталкивая ее дяде. На полпути пепельница элегантно изменила направление и осторожно остановилась напротив меня. Я благодарно воспользовался молчаливым разрешением и закурил. На звонок колокольчика появилась очень некрасивая девушка, что впустила нас в дом тридцать пять минут назад. Из ее примечательной внешности я сделал вывод: профессор женат, и прислугу подбирает его дражайшая половина. Судя по тому, что девушка была не просто, а даже удивительно, поразительно, потрясающе некрасива, оставалось предположить, что профессор всю свою полную служению науке жизнь был очень «не прочь» насчет женского пола. Да и теперь, по мнению супруги, еще на многое годился, хотя, на мой взгляд, это был скорее супружеский комплимент, чем реальные опасения.

А профессор оказался не так прост. Одним жестом предложения пепельницы умудрился убить сразу двух зайцев – продемонстрировал максимум уважения дяде и, не говоря ни слова, разрешил мне закурить.

Но ваш покорный слуга Носферату Шатов – не какой-нибудь доверчивый доктор Ватсон. Меня трудно расположить к себе простейшими фокусами, на которые способен любой наблюдательный человек. Движение пепельницы к дяде было жестом чисто политическим, человек с такими усами, как у моего дядюшки, не может курить сигарет, а для курения трубки пепельница не обязательна, а вот моя рука, нервно перекатывающая в кармане зажигалку, отчетливо намекала на огромное желание сделать пару затяжек.

Насяев благосклонно посмотрел на мою сигарету и снова повернулся к дяде.

– Вы ведь хотели поговорить о саломарской экспедиции?

Дядя отрешенно кивнул, но глаз на профессора так и не поднял. Нужно было срочно спасать положение, и я взял кормило беседы в свои натруженные журналистские руки.

– Да, о вашей поездке на Саломару. Пал Саныч, будьте так добры, расскажите нам немного о саломарцах. В какой среде они живут, чем питаются? Какова организация их жизни? И все в таком роде...

– Конечно! – снова всплеснул руками Насяев. – Удиви-и-ительная планета, – протянул он, причмокивая, и глаза его стали мечтательно-влажными. – Суши совсем чуть-чуть. Зато этот кусочек суши и подводный мир так отстроены, что любо-дорого. Они не так далеко ушли в науке, как мы. У нас, знаете ли, многовековой опыт и научные кадры, а у них... У них нет даже внепланетного транспорта. Они даже на орбиту не могут выйти. Так, копаются в своей планетке, добывают что-то. Но в основном – посредственные в плане науки существа. Одни имперские амбиции... Однако они умны, чрезвычайно умны и изобретательны. Рук у них, конечно, хоть отбавляй, но, представляете себе, в их жизни не нашлось места живописи. В

основном скульптура. Довольно непривычная на первый взгляд. У них даже письмо на основе скульптуры, что-то вроде мини-барельефов на морских раковинах. Как я его называю, «камешковое письмо». Хотя... все это выглядит довольно первобытно. Но какие у них женщины. То есть особи, занимающиеся деторождением...

А я все-таки был прав, профессор-то женолюбив не на шутку.

– Ну, они, конечно, такие же морские пауки... – осекся он, замечая мою ехидную улыбку, – но вы не представляете, как они пахнут. Идет на тебя какая-нибудь паучиха, щупальца шевелятся, на лбу желтая галка нарисована, а аромат такой, что кажется, будто к тебе Мона Лиза приближается. – Насяев мечтательно закрыл глаза, вспоминая.

– А зачем галка? – повинуюсь какому-то бессознательному порыву, поинтересовался я, сам мысленно задаваясь вопросом, откуда профессору знать, как именно пахла Мона Лиза. Но Насяев был настолько поглощен своими воспоминаниями, что воспринял вопрос как часть своего монолога. Меня же в его последней фразе что-то зацепило, даже насторожило. Я попытался ухватиться за эту едва забрезжившую мысль, но ее бесследно смыло потоком профессорского красноречия.

– Ну как же, у них нет никакой одежды. Она им не требуется. Температура на планете почти не колеблется, и греться не нужно. А социальные различия отмечаются на... – профессор замешкался, подбирая слова, – на морде. Желтая галка обычно украшает ищущую партнера молодую саломаранку, иногда не очень молодую... Но нам их все равно не различить, не то что по возрасту. Если б не запах, то и половых-то различий особых нет...

Насяев тараторил еще с полчаса, пока дядя Брутя смог в образовавшуюся крошечную паузу вклинить свое «извините, но...». Насяев осекся, лицо его стало удивленным, как у выгащенного на берег карпа. Однако замешательство было секундным, он снова заулыбался и прижал руки к груди в жесте величайшего раскаяния.

– Кажется, я увлекся, – ласково пробормотал он, – и немножко отошел от темы. Я ведь всего лишь физик, однако – большой поклонник инопланетного искусства, так что в каком-то смысле и лирик, если позволите так выразиться. Знаете, понемногу коллекционирую... картины, скульптуры... Так что я в какой-то мере даже более человек искусства, нежели науки. А те, кто имеет дело с прекрасным, народ не слишком наблюдательный, скорее впечатлительный.

Ай да профессор! Он-то ненаблюдательный. Ну-ну, это вы, господин Насяев, воля ваша, что-то нескладное придумали. Поскромничали.

– А вы, Павел Александрович, в области физики чем конкретно занимаетесь, если, конечно, это не научная тайна? – поинтересовался я, стараясь вернуть профессора в более болтливое, а значит, полезное состояние душевного равновесия.

– Я больше по электричеству. С ранней молодости, как говорится, с младых ногтей большой фанат проводимости. Мечтаю однажды где-то во вселенной найти наконец суперсверхпроводник. Это, знаете ли, Носферату Александрович, такая вещь... – Насяев закатил очи к потолку и мечтательно пожевал губами. Видимо, в самых сладчайших своих грезах он уже произносил благодарственную речь перед Нобелевским комитетом.

От профессора оказалось мало толку. Из пустопорожней болтовни этого славного ученого мужа можно было понять только одно: профессор не может (или не хочет) дать нам сколько-нибудь полезной информации. Словно читая мои мысли, Насяев решил сменить тему и этим, уже второй раз за час, чрезвычайно мне угодил.

– Я вряд ли помог вам, но вот мой друг и коллега по экспедиции на Саломару, профессор Муравьев, человек более вдумчивый. Он, возможно, что-то сумеет прояснить. Я имел смелость договориться с ним о встрече. На сегодняшний вечер, восемнадцать часов. Вас это устроит?

– Вполне, – расплылся в улыбке мой дядя. Потом сделал изумленно-встревоженные глаза, посмотрел на часы, с достоинством покачал головой и начал торопливо прощаться до вечера.

Скажу честно, мысль о том, что аудиенция окончена, немало порадовала и меня.

* * *

Из дома профессора мы вырвались, словно два японца, которых заперли на ночь в турецких банях.

Насяев оказался гнуснейшим из всех убийц – убийцей чужого времени, хронофагом с таким мощным потенциалом, какой встретишь нечасто даже у нас в России. И эту невосполнимую утрату двух часов жизни мы честно залили в ближайшем ресторанчике белым вином и накрыли хорошим куском суши.

Я предлагал дяде оплатить осьминога в винной заливке, которого щедро расхваливал официант, но дядя Брутя решил, что ему вполне достаточно того, что болтается в аквариуме у него в столовой.

Официант искренне заинтересовался услышанным, так что пришлось и ему повторить трогательную историю о безвременной кончине дядюшкиного любимца – ручного осьминога Зигги, увы, еще не преданного земле и ожидающего погребения в столовой своего бывшего хозяина.

Вино немного облегчило наши страдания, изрядно приглушило голос совести и значительно повысило сопротивляемость организма стрессам вроде мертвых осьминогов и высокоученых лакеев.

Поэтому на встречу с профессором Муравьевым мы пришли бодрые, веселые, чуть-чуть нетрезвые и совершенно спокойные. И это было страшно.

* * *

Видимо, что-то читалось на наших лицах такое, от чего Насяев, на этот раз с братской нежностью сам встретивший нас в дверях, отступил на шаг и смутился.

Мы браво вошли в прихожую, решив не покидать скромного жилища деятеля российской науки без толковых сведений о Саломаре и саломарцах.

Однако пыл мгновенно иссяк, как только перед нами предстал профессор Муравьев.

Огромный, похожий на снежного человека, со сросшимися на переносице кустистыми черными бровями, профессор Муравьев внушал трепет и ужас. Я почувствовал себя студентом, опоздавшим на государственный экзамен и, к удивлению своему, обнаружившим, что экзамен вовсе не по литературе ближнего зарубежья, а по грамматике китайского языка. Дядя нервно сжал в кармане трубку, ища у нее поддержки и защиты.

Профессор Муравьев грозно посмотрел на нас, еще суровее сдвинул брови, приблизился и прямо-таки выбросил вперед большую, словно вытесанную из камня руку.

– Муравьев, Валерий Петрович, – представился он, и голос у него оказался низким и густым, но тем не менее приятным и даже гипнотическим.

Мы представились, и Насяев, захлебываясь от восторга, провел всех в столовую. Все та же страшная служанка подала томатный суп, и Муравьев сразу уставился в тарелку и принялся сосредоточенно выгуливать в ней ложку. Он явно не желал начинать разговор.

Зато Насяев оказался в родной стихии – у него были слушатели, он попил водочку, со снайперской точностью наливая ее в рюмку из хрустального графинчика, он играл на своем поле и явно выигрывал, заколачивая нам в ворота один мяч за другим. Он болтал, драгоценное время утекало сквозь пальцы, Муравьев не отрывал взгляда от тарелки, где-то в столовой моего дяди разлагался саломарский дипломат, а мы не продвинулись ни на шаг.

– И вот тогда, – Насяев взмахнул вилкой и снова приложился к графинчику, – я и говорю Ергаеву: «Георгий Соломоныч, а почему бы нам не включить в делегацию Валерия Петровича.

Конечно, у него сложное отношение к инопланетным расам, но он человек честный, преданный интересам Земли и очень хороший биолог...»

Муравьев покраснел неровными пятнами, то ли от смущения, то ли от недовольствия, что Насяев заговорил о нем, и оторвался от тарелки:

– На Саломаре на тот момент предполагали более восьмидесяти видов неизвестных земной науке представителей флоры и фауны. Включая самих саломарцев...

Последнюю фразу профессор произнес с такой брезгливой озлобленностью, что Насяев снова счел своим долгом перебить Валерия Петровича и расставить очередные точки над «і»:

– Профессор Муравьев признает лишь гуманоидные расы. Он, как я люблю говорить, в раннем детстве попал под обаяние старых фильмов. «Чужие», «Звездный десант» и тому подобное... Вот именно из-за таких, как вы, Валера, консул Раранна и решил прилететь пораньше. Кажется, он уже завтра будет на Земле. Он присылал мне сообщение в понедельник утром, но я случайно уничтожил его, расчищая завал в моих записях. Ну, знаете, собрал все лишнее – диктофонные мини-диски, файлы, записи, всякое старье... – и разом по течению Леты.

Насяев еще что-то говорил, а я с ужасом смотрел на дядю, который побледнел и стал медленно сползать из кресла на пол.

– Пал Саньч. – Я подхватил дядю, расстегнул крахмальный воротничок его рубашки и, вынув из кармана носовой платок, смахнул выступивший на дядином лбу пот. – Профессор, откройте окно. Ему плохо.

– Только бы не сердечный приступ! – воскликнул Насяев и бросился открывать окна. Муравьев отобрал у меня платок, плеснул на него водкой из насяевского графинчика, натер дяде виски и сунул угол платка ему под нос. Дядя Брутя начал приходить в себя. Глаза его стали осмысленными. В них появилось выражение ужаса.

– Спокойно, дядя Брутя, все хорошо, мы в гостях у профессора Насяева. Я Ферро, твой племянник. Это профессор Муравьев. – Я старался говорить как можно отчетливее и громче, чтобы, если дядюшка в бессознательном состоянии начнет бредить тухлыми осьминогами, наши высокоученые друзья не обратили на это особого внимания. Я был не в состоянии рассказывать историю про Зигги в третий раз.

Дядя Брутя очнулся, попросил чашку крепкого кофе, застегнул воротничок рубашки, поправил галстук и сел к столу. Все, как ни в чем не бывало, последовали его примеру. Дядя старательно пытался изобразить аристократическое спокойствие и, уставившись в пол, заправлял свой организм кофеином. Муравьев смотрел на него так пристально, что бедный дядя Брутя не знал, куда деваться, и наконец начал жалобно поглядывать на меня в надежде на спасение.

– Скажите, Валерий Петрович, чем вам так не угодил негуманоиды? Они ведь в принципе такие же разумные существа, как и мы. – Я полагал разрядить обстановку и спасти моего бедного дядю, но не тут-то было. По всей видимости, я только что наступил с размаху на любимую мозоль профессора Муравьева. Глаза Насяева сделались испуганными, он протянул руку, словно надеясь остановить мою фразу в полете, но Муравьев уже поймал ее. Лицо биолога налилось кровью и исказилось, он грохнул по столу кулаком, занес его для второго удара, передумал, опустил руку и рявкнул прямо мне в лицо:

– Вы хотите сказать, такие же люди?! Эти инопланетные пауки, крокодилы, слизни, осьминоги, птицы – такие же, как мы?! Да у них и понятия нет о моральных ценностях. Они только ждут момента, когда мы расслабимся, распустим слюни в изъяснении братских чувств, чтобы сожрать нас! Это только звери, животные! Неизученные животные, которые не умнее дрессированной собаки, только амбициознее, хитрее и страшнее. Это хищники, которых можно только укротить. Их можно не опасаться, лишь пока они боятся своего укротителя, но стоит нам заговорить о равенстве, братстве и повесить плетку на крюк, как они бросятся и растерзают

нас, а потом друг друга. Но это будет уже не важно. Мы должны спасти наших детей, наших близких. Как древний человек охранял свое племя, мы должны оградить людей от диких зверей, земного или инопланетного происхождения. И я готов каждого, кто посмеет приблизиться к моим родным...

– Валера, – укоризненно и спокойно произнес Насяев, и Валерий Петрович вдруг осекся, затаил, потом схватил себя за вихор на затылке и выбежал из столовой. Я слышал его шаги по лестнице на второй этаж.

– Он немного нервный, но очень добрый. Вы не волнуйтесь, это бывает редко. Он сейчас умоется и вернется другим человеком. – Насяев в мгновение ока растерял свою подобострастность, и в его словах зазвучали спокойствие и уверенность в своей силе. И, кажется, профессор Муравьев знал эту силу лучше других.

– Вы позволите, я бы тоже умылся. – Дядя Брутя выразительно потянул пальцем ворот рубашки, ослабляя хватку галстука, и, извинившись, вышел из столовой.

– На втором этаже третья дверь слева! – крикнул ему вслед Насяев.

Мы остались один на один. Я не стал терять времени даром.

– Скажите, профессор, Валерий Петрович действительно так ненавидит инопланетян, что впадает в аффектацию?

Насяев скромно улыбнулся и тактично отвел глаза.

– Ну, я бы так прямо не сказал «ненавидит». Нет, скорее, опасается за жизнь близких ему людей. У него жена и две дочери восьми и двенадцати лет. Естественно, он готов защищать их от любого врага, пусть даже выдуманного.

– Вы хотите сказать, что саломарцы невраждебны?

– Абсолютно. Это очень милые и разумные существа. Они готовы к сотрудничеству и дружбе. Поверьте мне, я был гостем на их планете. – Насяев погладил рукой проплешину на макушке и указательным пальцем потер переносицу. Комбинация этих жестов позволяла с уверенностью заявить: профессор лгал. Но в чем? Была ли эта ложь сконцентрирована в последней фразе или равномерно разлита по всем рассуждениям о саломарцах? А может быть, она касалась Муравьева?

Одно я знал точно. Профессор Насяев нервничал, но старался не подавать виду. И я решил пойти ва-банк.

– Павел Александрович, кто еще, кроме вас и профессора Муравьева, знает о том, что консул Ранна прибывает на Землю?

– Ваш дядя, Брут Ясонович. Консул сообщил мне, что послал и ему письмо и попросил о помощи в транспортировке. Поэтому я и не удивился его звонку и просьбе о встрече. Однако ваш дядя почему-то не торопится признаваться в этом. Он, по всей видимости, очень осторожный человек. Еще знает один лингвист, разработчик межпланетного эсперанто, который должен отладить вместе с консулом электронные переводчики, кажется, тоже Шатов. Прекрасный человек. Прислал мне для работы восьмую саломарскую версию. Еще такое имя неожиданное...

Насяев стал мучительно вспоминать, и, видя, как он страдает, я пришел ему на помощь:

– Шатов Катон Ясонович, он тоже мой дядя.

– А-а-а, – протянул профессор понимающе, – в Оксфорде его имя звучало несколько иначе. Я не проводил параллели... – Он сконфуженно замолчал. Но вдруг встрепенулся и уставился на меня круглыми хищными глазами. – Что-то случилось? Консул уже на Земле?

– С консулом произошло несчастье, – тихо и жестко сказал я, глядя прямо в лицо профессору и стараясь уловить каждое движение его глаз.

Хищное выражение исчезло из зрачков маленьких и пристальных, как у консервированной кильки, глазок. Павел Александрович суетливо заохал и налил себе еще рюмку водки.

– Как? Где он? Что случилось? – Насяев отхлебнул, поморщился, отхлебнул еще, зажмурил наполнившиеся слезами глаза, потом лицо его расправилось, и на нем уже читалось крайнее страдание и сочувствие.

Я удивленно глянул на него, но в этот момент в дверях раздался громовой голос Муравьева:

– Паша, оставьте ваши фокусы с умильными лицами. Приберегите сострадание для делегации...

Муравьев хотел сказать что-то еще, но передумал, кивнул мне, молча пожал дядину ладонь и, горько махнув рукой в сторону Насяева, вышел в прихожую. Хлопнула дверь. Раздались резкие шаркающие шаги.

– Да, – задумчиво сказал Насяев, потом спохватился и стал торопливо извиняться перед нами за биолога и за себя, поскольку он, как хозяин дома, не смог предотвратить этой ужасной ситуации.

Тем временем дядя поднял правую бровь и едва заметно повел ею в сторону двери. Я наконец понял смысл этих мимических ухищрений.

– Простите, профессор, но и нам пора. У нас сегодня еще много дел... Надеюсь, вы понимаете... Дипломатическая тайна... Мы, уважая ваши заслуги и авторитет в сфере науки и искусства, не станем брать с вас подписку о неразглашении, но...

Я многозначительно посмотрел на него, надеясь, что он не догадается спросить, с какой стати журналист говорит с ним о каких-то подписках. Насяев кивнул и опустил глаза, но встрепенулся и заискивающе произнес:

– Но вы ведь будете держать меня в курсе дела? Консул Ранна был так добр ко мне. Мы последнее время, можно сказать, стали не то чтобы друзьями, но довольно близкими приятелями. Мне это важно.

– Хорошо, мы будем иногда сообщать вам о ходе дела, – вежливо сказал дядя и сунул трубку под усы. Это означало, что разговор завершен.

Насяев понял намек и проводил нас до дверей с отеческой нежностью и легкой грустью на лице.

* * *

Дядя Брутя выглядел неважно. Я хотел отправить его прямо к нам домой одного, но он не желал попасться в идеально покрашенные когти моей маман, не имея в тылу верного меня. Поэтому было решено, что Брут Шатов пойдет в народ, то есть в маленький паб «Питер Пенный» и посидит там немного, а я загляну к Юлу. От профессоров оказалось мало толку, и я понял, что расследование стоит вести несколько иначе.

Я оставил дядю Брутя в дверях паба, где на него с нетрезвым обожанием посматривала колоритная дама в не по возрасту открытом платье.

Марь не сопротивлялась, когда Юл решил перебраться на Землю. Сначала они с Хлоей думали о Франции – каком-нибудь небольшом университетском городке вроде Безансона, где Юл мог бы работать и, чем судьба не шутит, преподавать, а Хлоя – продолжить образование. Но какое-то атавистическое притяжение к городу на Неве, доставшееся и Юлу и Хлое от матерей, в конце концов заставило молодых перебраться в Питер, где они усердно и не без сюрпризов обживались.

Не успел подойти и на десяток шагов к дому Юлия и Хлои, как услышал брань, потом в клумбу недалеко от меня врезалась сковорода, и в то же мгновение из подъезда показалась голова Юлия. Андроид опасно глянул на сковородку, потом вверх и мелкой рысью миновал обстреливаемый участок.

– Носферату, ты самый счастливый человек во вселенной. И этим ты обязан мне. – Он выругался на незнакомом языке, как мне показалось, на португальском. Мой карманный переводчик отказывался работать с тех пор, как на него попала пара капель саломарского «рассола». Я попытался перевести то, что сказал Юл, используя знания школьной латыни и греческого, но не смог и только еще раз утвердился, что это был именно португальский.

– Все лингвистику апгрейдишь? Языками управляешься?

Юл горько махнул рукой:

– Да ну ее. Проапгрейдишься тут. Ты даже не знаешь, насколько счастлив сейчас. Женился-то на этой мегере не ты, а я, хотя я знаю, и это мне льстит, что ты тоже был не прочь связать себя с ней... узами брака.

Юлий поправил белоснежный воротничок. Он по-прежнему выглядел не старше восемнадцати, но костюм делал его немного солидней. Я понял, что ему ужасно хотелось, чтобы я признал, что был влюблен в Хлою. Я кивнул. Он радостно воскликнул «Ага!» и ткнул в меня указательным пальцем.

– И ты знаешь, что я тебе скажу, – продолжил он по-человечески возбужденно. – Знай я, что будет такое, я бы не стал переходить тебе дорогу. Носферату, я живу в аду, а Хлоя устроилась начальником этого ада и к работе своей относится с неизменным рвением. Если однажды меня найдут разобранным на запчасти, а рядом обнаружат стакан воды, в котором одиноко плавает мой микрочип, – так и знай, это ее работа.

Юлий продолжал ругаться, не слишком следя за дорогой, так что я повел его в паб, куда только что засунул дядю Брутю. Мы сели за маленький столик в глубине. Дядю за три столика от нас окучивала чудовищная блондинка, но я решил, что спасу его позже. Юлий тем временем заказал мне стакан минералки, а себе двести граммов водки. Я решил дать ему выговориться, а иначе ни о каком деле не могло быть и речи.

– Да ладно тебе, Юл. Хлоя тебя любит, и ты это прекрасно знаешь.

Он картинно прикрыл глаза рукой:

– Знаю, Ферро, знаю, но лучше бы она любила кого-нибудь другого. Она не дает мне жить. А я хочу, представь себе. Она обвиняет меня в том, что я андроид, что мне не нужно спать и есть. Что ем я, потому что лжив по натуре. А в то время, когда она спит, я ей изменяю.

Я старался, но не смог сдержать усмешки.

– Зачем тебе водка? Обновил вкусовые рецепторы? Ты же раньше алкоголя не чувствовал. Или ты еще и пьянеть научился?

Юлий ухватился за мою улыбку, как за спасательный круг, и обрушился на меня с яростью лавины:

– Вот именно, ты смеешься, а мне какво? Я всегда был человеком, хотел быть. Я постоянно стараюсь совершенствоваться, становиться более человечным, а ей не нравится. И знаешь что. Я давно мог бы заказать себе на Гриане у Марь новую внешность и смыться. Уехать куда-нибудь, подальше от этой сумасшедшей. Но ведь я досовершенствовался до того, что люблю эту дуру и жизни без нее не представляю. А значит, несмотря на то, что она на твоих глазах пыталась бросить в меня сковородой, я сегодня вечером буду с ней мириться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.